

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

2019. Т. 14(1–4), № 1

ISSN 2072-2427

Научный журнал.

Издается с октября 2006 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-74887 от 21.01.2019.

Главный редактор – А. П. Скиба.

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://pl.editorum.ru/>

Дата выхода в свет 28.03.2019. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России» – 71616;
интернет-каталог «Российская периодика» (www.arpk.org) – 71616.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

Российский индекс научного цитирования;
КиберЛенинка.

© Академия ФСИН России, 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ / EDITORIAL BOARD

Скиба Андрей Петрович, главный редактор, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-исполнительного права, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: apskiba@mail.ru.

Грушин Федор Владимирович, заместитель главного редактора, кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: fedor062@yandex.ru.

Букалерова Людмила Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: bukalerova_la@rudn.university.

Горазд Мешко, доктор (PhD), профессор криминологии, директор Института уголовной юстиции и безопасности, Мариборский университет, г. Любляна, Словения, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si.

Детков Алексей Петрович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация, e-mail: kafupik@law.asu.ru.

Кашуба Юрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: koshianatol@yandex.ru.

Кийко Николай Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-исполнительного права, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: avant_n@mail.ru.

Козаченко Иван Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: uglaw@yandex.ru.

Skiba Andrey Petrovich, Editor-in-chief, DSc (Law), Associate Professor, head of penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: apskiba@mail.ru.

Grushin Fedor Vladimirovich, deputy editor-in-chief, PhD (Law), professor of penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: fedor062@yandex.ru.

Bukalerova Lyudmila Aleksandrovna, DSc (Law), Professor, head of criminal law, criminal procedure and criminology department, Peoples' friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: bukalerova_la@rudn.university.

Gorazd Meshko, PhD, Professor of criminology, Director of the Institute of criminal justice and security, University of Maribor, Ljubljana, Slovenia, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si.

Detkov Aleksey Petrovich, DSc (Law), Associate Professor, head of criminal law and criminology department, Altai State University, Barnaul, Russian Federation, e-mail: kafupik@law.asu.ru.

Kashuba Yuriy Anatol'evich, DSc (Law), Professor, professor of penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: koshianatol@yandex.ru.

Kiyko Nikolay Vladimirovich, PhD (Law), Associate Professor, head of penal law department, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: avant_n@mail.ru.

Kozachenko Ivan YAKovlevich, DSc (Law), Professor, Honored worker of science of the Russian Federation, head of criminal law department, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation, e-mail: uglaw@yandex.ru.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ / EDITORIAL BOARD

Маликов Борис Зуфарович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: malikov_bz@mail.ru.

Наваан Гантулга, доктор (PhD), профессор, начальник Института по подготовке сотрудников учреждений, исполняющих судебные решения, Университет правоохранительной службы при Министерстве юстиции и внутренних дел Монголии, г. Улан-Батор, Монголия, e-mail: n_gntlga@yahoo.com.

Орлов Владислав Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовной политики, Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vlad-orlov@mail.ru.

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vis_home@list.ru.

Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, e-mail: n.scripchenko@narfu.ru.

Терещенко Татьяна Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: tati2034@yandex.ru.

Уткин Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор Юридического института, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация, e-mail: utkin@ui.tsu.ru.

Malikov Boris Zufarovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs, Ufa, Russian Federation, e-mail: malikov_bz@mail.ru.

Navaan Gantulga, PhD, Professor, Deputy of the Training Institute for personnel executing court judgments, Law enforcement service University under the Ministry of Justice and Internal Affairs of Mongolia, Ulan Bator, Mongolia, e-mail: n_gntlga@yahoo.com.

Orlov Vladislav Nikolaevich, DSc (Law), Associate Professor, professor of criminal policy department, Academy of management of the Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russian Federation, e-mail: vlad-orlov@mail.ru.

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, DSc (Law), Professor, Honored worker of science of the Russian Federation, professor of criminal law and criminology department, Lomonosov Moscow state University, Moscow, Russian Federation, e-mail: vis_home@list.ru.

Skripchenko Nina Yur'evna, DSc (Law), Associate Professor, professor of criminal law and procedure department, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, e-mail: n.scripchenko@narfu.ru.

Tereshchenko Tat'yana Georgievna, PhD (Law), Associate Professor, deputy head of penal law department, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: tati2034@yandex.ru.

Utkin Vladimir Aleksandrovich, DSc (Law), Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Director of Law Institute, National research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, e-mail: utkin@ui.tsu.ru.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

Деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, играет важное значение для функционирования правоохранительной системы России, а также для обеспечения целостности внутренней политики государства. Уголовно-исполнительное право ориентировано на достижение целей наказания, органично дополняет различные правоотношения в области уголовного права, уголовного процесса, общественного контроля, прокурорского надзора и других форм обеспечения законности при исполнении уголовных наказаний, а также затрагивает сферу управленческих, экономических, психолого-педагогических и иных основ деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Немаловажное значение имеет исследование международных стандартов и зарубежного опыта в области исполнения уголовных наказаний. В связи с этим журнал «Уголовно-исполнительное право» является площадкой для обсуждения теоретических, правовых, организационных и иных аспектов исполнения уголовных наказаний, а также деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Журнал посвящен актуальным проблемам теории уголовно-исполнительного права, эффективности и практики его применения, межотраслевым аспектам применения уголовных наказаний, совершенствованию уголовно-исполнительного и иного законодательства, разнообразным аспектам деятельности уголовно-исполнительной системы и других учреждений и органов, исполняющих наказания, а также их взаимодействию с различными органами (организациями). Издание ориентировано на расширение контактов между учеными-пенитенциаристами, специалистами из других отраслей науки России и других государств, занимающимися различными аспектами деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Рубрики журнала охватывают все основные разделы уголовно-исполнительного права, межотраслевые

Journal mission

The activities of institutions and bodies that execute criminal penalties play an important role in the functioning of the Russian law enforcement system, as well as in ensuring the integrity of the state's internal policy. Penal law is aimed at achieving the goals of punishment, organically complements the various legal relations in the field of criminal law, criminal procedure, public control, prosecutorial supervision and other forms of ensuring the rule of law in the execution of criminal penalties, and also affects the sphere of administrative, economic, psychological, pedagogical and other activities of institutions and bodies executing punishment. The study of international standards and foreign experience in the field of execution of criminal sanctions is of great importance. In this regard, the journal «Penal law» is a platform for discussion of theoretical, legal, organizational and other aspects of the execution of criminal penalties, as well as the activities of institutions and bodies executing punishment. The journal is devoted to actual problems of theory of penal law, efficiency and practice of its application, cross-sectoral aspects of the application of criminal penalties, improvement of penal and other legislation, various aspects of Penal system and other institutions and bodies executing sentences, as well as their interaction with various bodies (organizations). The publication is aimed at expanding contacts between penitentiary scientists, specialists from other branches of science in Russia and other countries involved in various aspects of activities of institutions and bodies executing punishment. The headings of the journal cover all the main sections of penal law, inter-sectoral aspects of the application of criminal penalties, take into account the full range of penal issues. The journal publishes announcements of conferences and other information about scientific and educational life. Specific sections dedicated to the ideas of famous penitentiary scientists, including M. N. Galkin-Vraskoj, N. A. Struchkov and M. P. Melentiev.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

аспекты применения уголовных наказаний, учитывают весь спектр уголовно-исполнительной проблематики. На страницах журнала размещаются анонсы конференций и иные сведения о научной и образовательной жизни. Отдельные рубрики посвящены идеям известных пенитенциаристов, в том числе М. Н. Галкина-Враского, Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева.

Периодичность

3 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций;

свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями;

соблюдение международных этических редакционных правил.

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement;

free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange;

compliance with international ethical editorial rules.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНЫ, ИСПОЛНЯЮЩИЕ НАКАЗАНИЯ, И ИХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- 12** *Закопырин В. Н.* Актуальные вопросы привлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы к административной ответственности

ИСПОЛНЕНИЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

- 16** *Лядов Э. В., Носенок С. А.* Социальная помощь осужденным к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества: из опыта работы уголовно-исполнительной инспекции Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Оренбургской области

ИСПОЛНЕНИЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

- 26** *Зубкова В. И.* Некоторые проблемные вопросы наказания о пожизненном лишении свободы в законодательстве России
- 30** *Жилко И. А.* Некоторые проблемы правового регулирования исполнения лишения свободы в отношении осужденных, оставленных в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию
- 35** *Прихожая Л. Е.* Проблемы раздельного содержания отдельных категорий лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ

- 39** *Усеев Р. З.* Некоторые проблемы исполнения меры взыскания в виде запрещения выхода осужденным за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30 дней в колониях-поселениях

ПОМОЩЬ ОСУЖДЕННЫМ, ОСВОБОЖДАЕМЫМ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ, И КОНТРОЛЬ ЗА НИМИ

- 43** *Дадашева Р. А.* Теоретические аспекты административного надзора за лицами, в отношении которых применялись принудительные меры медицинского характера

- 48** *Рыкунова О. А.* О некоторых аспектах установления административного надзора в отношении осужденного, признанного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В ОБЛАСТИ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

- 53** *Родионов А. В.* Практика привлечения осужденных к труду в некоторых пенитенциарных учреждениях Соединенных Штатов Америки (на примере тюремных ферм и тюремных лагерей)
- 57** *Афонченко Т. П.* Ресоциализационный потенциал постпенального контроля в законодательстве Республики Беларусь
- 63** *Саламатов Е. А.* О нынешних названиях пенитенциарных учреждений Казахстана
- 68** *Шанина А. Н.* Международные источники правового регулирования соблюдения прав лиц, осужденных к лишению свободы, и их правового статуса

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

- 73** *Казачова В. А.* Уголовно-правовое противодействие причинению вреда жизни и здоровью по профессиональной неосторожности

НАУЧНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

- 79** *Милюков С. Ф.* Отзыв официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 Батболд Г. «Обеспечение прав осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в Российской Федерации и Монголии». Омск: Омская академия МВД России, 2018. 228 с. (с приложениями)

БИБЛИОТЕКА ПЕНИТЕНЦИАРИСТА

- 85** *Детков А. П.* Рецензия на монографию «Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий)»

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

- 87** PENAL INSTITUTIONS AND BODIES AND THEIR LEGAL ACTIVITY
Zakopyrin V. N. Topical issues of bringing employees of the Penal system to administrative responsibility
- 88** THE EXECUTION OF CRIMINAL PUNISHMENTS
NOT RELATED TO DEPRIVATION OF LIBERTY
Lyadov E. V., Nosenok S. A. Social support to convicts sentenced to punishment without isolation from society: from the experience of the Penal inspection of the Orenburg regional department of the FPS of Russia
- 89** THE EXECUTION OF CRIMINAL PUNISHMENTS
NOT RELATED TO DEPRIVATION OF LIBERTY
Zubkova V. I. Some problematic issues of life imprisonment punishment in Russian legislation
- 90** *Zhilko I. A.* Some problematic issues of legal regulation of imprisonment execution concerning the convicts left in pre-trial detention centers for internal (housekeeping) duties
- 91** *Prihozhaya L. E.* Problems of separate detention of certain categories of persons serving sentences in places of deprivation of liberty
- 92** THE LEGAL STATUS OF CONVICTS
Useev R. Z. Some problems of penalty measure execution in the form of a prohibition on convicts leaving dormitories in their free time for up to 30 days in the colonies-settlements
- 93** ASSISTANCE TO CONVICTS RELEASED FROM SERVING
THEIR SENTENCES AND CONTROL OVER THEM
Dadasheva R. A. Theoretical aspects of administrative supervision of persons for whom compulsory medical measures were applied

- 94** *Rykunova O. A.* About some aspects of administrative supervision establishment toward the convict, recognized as the malicious violator of the established order of punishment serving

INTERNATIONAL STANDARDS AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE FIELD OF EXECUTION OF CRIMINAL SANCTIONS

- 95** *Rodionov A. V.* The practice of prisoners employing in certain penitentiary institutions of the United States of America (on the example of prison farms and prison camps)
- 96** *Afonchenko T. P.* Resocialization potential of post-penitentiary control in the legislation of the Republic of Belarus
- 97** *Salamatov E. A.* About the current names of the penitentiary institutions of Kazakhstan
- 97** *Shanina A. N.* International sources of legal regulation of the rights observance of persons, sentenced to deprivation of liberty, and their legal status Cross-sectoral aspects of the execution of criminal penalties

CROSS-SECTORAL ASPECTS OF THE EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES

- 98** *Kazakova V. A.* Criminal legal counteraction to harm to life and health due to professional negligence

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL LIFE

- 100** *Milyukov S. F.* Review of the official opponent about the thesis for the candidate degree of legal sciences in the specialty 12.00.08 Batbold G. Ensuring the rights of convicts serving a sentence of imprisonment in the Russian Federation and Mongolia. Omsk: Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, 2018. 228 p. (with annexes)

PENITENTIARY LIBRARY

- 101** *Detkov A. P.* Review of the monograph Legal collisions in Russia and in a number of other countries (short scientific comment)

УДК 343.848:364.04(476)

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.012-015

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ЗАКОПЫРИН,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры административного и финансового права,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

ORCID 0000-0002-7589-4112,

e-mail: bob503660@yabdex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Для цитирования

Закопырин, В. Н. Актуальные вопросы привлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы к административной ответственности / В. Н. Закопырин // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 12–15. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.016-019.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы привлечения к административной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Предметом исследования выступает совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в сфере привлечения сотрудника уголовно-исполнительной системы к административной ответственности. Цели исследования – анализ современного состояния законодательства, устанавливающего административную ответственность сотрудника уголовно-исполнительной системы; изучение проблем правового статуса сотрудника, внесение предложений по устранению подобных проблем. Административная ответственность базируется на ряде ключевых принципов, в том числе на принципе равенства граждан перед законом и судом. Это конституционный принцип, который провозглашает, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Однако в подавляющем большинстве случаев административная ответственность военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и лиц, имеющих специальные звания, в том числе сотрудников уголовно-исполнительной системы, заменяется на дисциплинарную ответственность. Лишь по некоторым статьям, прямо указанным в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, они несут административную ответственность. Для привлечения субъекта права к любому виду юридической ответственности нужны основания.

© Закопырин В. Н., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Основанием дисциплинарной ответственности является совершение сотрудником уголовно-исполнительной системы дисциплинарного проступка, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение сотрудником по его вине возложенных на него служебных обязанностей. Основание административной ответственности сотрудника уголовно-исполнительной системы – совершение административного правонарушения, то есть противоправного, виновного деяния, за которое Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Совершение административного правонарушения сотрудником уголовно-исполнительной системы может повлечь за собой, кроме административной, и дисциплинарную ответственность. В этом случае основанием привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности будет не совершение административного правонарушения, а нарушение служебной дисциплины, выразившееся в нарушении, например, требований к служебному поведению сотрудника, нанесении ущерба его репутации либо авторитету учреждения или органа уголовно-исполнительной системы. Административная ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы не должна заменяться на дисциплинарную. Дисциплинарная ответственность может дополнять административную ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: административная ответственность, дисциплинарная ответственность, сотрудник уголовно-исполнительной системы.

Летом 2018 г. вступил в законную силу Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”». Указанный Закон – это основной нормативный акт, регламентирующий административно-правовой статус сотрудника уголовно-исполнительной системы (УИС), касающийся прохождения им государственной службы Российской Федерации.

Как известно, административно-правовой статус сотрудника УИС состоит из обязанностей, прав, ограничений и запретов, связанных с государственной службой, гарантий реализации административно-правового статуса и юридической ответственности [1, с. 169]. Юридическая ответственность государственного служащего, в том числе сотрудника УИС, подразделяется на уголовную, дисциплинарную, материальную, гражданско-правовую и административную ответственность [2, с. 41]. Каждый вид ответственности реализуется в применении к сотруднику УИС соответствующих правовых санкций, предусмотренных нормами права, устанавливающих вид юридической ответственности. Соответственно под административной ответственностью сотрудников УИС понимается реализация административно-правовых санкций, применение административных наказаний. Административная ответственность наступает за совершение деяния, которое содержит все признаки состава административного правонарушения, предусмотренного Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) или законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях.

В ст. 15 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания

в виде лишения свободы» определено, что за совершение административного правонарушения сотрудник несет дисциплинарную ответственность в соответствии с указанным Законом, за исключением административного правонарушения, за совершение которого сотрудник подлежит административной ответственности на общих основаниях согласно КоАП РФ. Данное положение согласуется и с регламентацией Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях административной ответственности военнослужащих и лиц, к ним приравненных (ст. 2.5 КоАП РФ). По общему правилу военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, и имеющие специальные звания сотрудники, проходящие иные виды государственной службы, несут дисциплинарную ответственность. Дисциплинарная ответственность при этом регламентируется федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, регулирующими прохождение государственной службы и их статус. Соответственно дисциплинарная ответственность сотрудника УИС регламентируется вышеуказанным Федеральным законом, дисциплинарным уставом уголовно-исполнительной системы и приказом ФСИН России от 12 апреля 2012 г. № 198 «Об утверждении Инструкции об организации и проведении служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы». Часть 2 ст. 2.5 КоАП РФ говорит об имеющихся исключениях из правила замены административной ответственности на дисциплинарную ответственность. За административные правонарушения, предусмотренные ст. 5.1–5.26, 5.45–5.52, 5.56, 6.3, 7.29–7.32, 7.32.1, гл. 8, ст. 11.16 (в части нарушения требований пожарной безопасности вне места военной службы (службы) или прохождения военных сборов), гл. 12, ст. 14.9, ч. 7 ст. 14.32, гл. 15 и 16, ст. 17.3, 17.7–17.9, ч. 1, 3 ст. 17.14, ст. 17.15, 18.1–18.4, ч. 2.1, 2.6 ст. 19.5, ст. 19.5.7, 19.7.2, ч. 5 ст. 19.8, ст. 20.4 (в части нарушения требований пожарной безопасности вне места военной службы (службы) или прохождения военных сборов) и ч. 1 ст. 20.25, сотрудники УИС, равно как и другие государственные служащие, имеющие воинские и специальные звания, несут административную ответственность на общих основаниях. Таким образом, можно констатировать, что принятие нового Федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» не внесло никаких изменений в ответственность сотрудников УИС за совершение административного правонарушения.

Вместе с тем следует обратить внимание на основания привлечения государственных служащих к административной или дисциплинарной ответственности. Основанием дисциплинарной ответственности является совершение государственным служащим дисциплинарного проступка, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение государственным служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей, основанием административной ответственности – совершение административного правонарушения, то есть совершение противоправного, виновного деяния, за которое КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Данное правило однозначно и безоговорочно применимо к государственным гражданским служащим.

Однако, как нами было установлено выше, почему-то это правило не распространяется на военнослужащих и лиц, к ним приравненных. В чем принципиальная разница между государственными гражданскими служащими и военнослужащими, между судебным приставом по обеспечению установленного порядка деятельности судов и сотрудником уголовно-исполнительной системы? И те и другие находятся на государственной службе Российской Федерации и на профессиональной основе обеспечивают исполнение

полномочий федеральных органов государственной власти, в которых они проходят государственную службу, имеют право на применение огнестрельного оружия. По нашему мнению, государственные служащие независимо от вида государственной службы должны нести административную ответственность на общих основаниях, и исключений быть не должно.

Это положение подтверждается и конституционным принципом равенства граждан перед законом и судом. Статья 19 Конституции Российской Федерации провозглашает, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств [3, с. 245]. Следовательно, любые лица, совершившие административные правонарушения, равны перед законом и судом, в том числе и государственные служащие. Следует также понимать, что совершение административного правонарушения сотрудником УИС может повлечь за собой, кроме административной ответственности, ответственность и дисциплинарную. В этом случае основанием привлечения сотрудника УИС к дисциплинарной ответственности будет не совершение административного правонарушения, а нарушение служебной дисциплины, выразившееся в нарушении, например, требований к служебному поведению сотрудника, нанесении ущерба его репутации либо авторитету учреждения или органа уголовно-исполнительной системы.

Устанавливая общие основания для привлечения государственных служащих к административной ответственности, мы выполняем требования Конституции Российской Федерации в части равенства всех перед законом и судом, существенным образом гарантируем законность в государственном управлении [4, с. 16–25].

Библиографический список

1. Зверев А. В. Об элементах организационного механизма реализации правового статуса сотрудников уголовно-исполнительной системы // Евразийский юридический журнал. 2016. № 12(103). С. 169–170.
2. Дазмарова Т. Н. Некоторые аспекты привлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы РФ к юридической ответственности // Право и политика: теоретические и практические проблемы : сб. материалов 6-й Международ. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. А. Мечетина. Рязань, 2018. С. 41–46.
3. Тимохов В. П. Нравственные детерминанты современного российского права // Проблемы социально-экономического развития субъектов Федерации на современном этапе : материалы 1-й Межрегион. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. Л. Тарасевич. СПб., 2006. С. 244–248.
4. Закопырин В. Н. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: законность или целесообразность? // Актуальные проблемы административного права и его реализации в сфере органов внутренних дел : материалы внутривед. науч.-практ. конф. Рязань, 2015. С. 16–25.

УДК 343.847

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.016-025

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЯДОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: leve2000@yandex.ru;

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА НОСЕНКО,

начальник уголовно-исполнительной инспекции,
УФСИН России по Оренбургской области,
г. Оренбург, Российская Федерация,
e-mail: uii@56.fsin.su

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ОСУЖДЕННЫМ К НАКАЗАНИЯМ, НЕ СВЯЗАННЫМ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ ПО ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Для цитирования

Лядов, Э. В. Социальная помощь осужденным к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества: из опыта работы уголовно-исполнительной инспекции Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Оренбургской области / Э. В. Лядов, С. А. Носенок // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 16–25. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.016-025.

Аннотация. В статье выявляются и рассматриваются проблемы оказания социально-психологической помощи осужденным к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, изучается опыт взаимодействия с социальными службами с целью содействия в получении социальной помощи осужденным, состоящим на учете в уголовно-исполнительной инспекции. По результатам проведенного исследования делается вывод о том, что задачей сотрудника уголовно-исполнительной инспекции является не только реализация наказания, назначенного осужденному судом, но и проведение профилактической работы, составной частью которой выступает оказание ему разноплановой помощи, способствующей исправлению и социальной адаптации. Именно поэтому в числе приоритетов социального исправительного воздействия на осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества, находятся: формирование и развитие социальных значимых знаний, умений и навыков осужденных; повышение общего уровня

© Лядов Э. В., Носенок С. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

образования, культуры и правосознания; обучение востребованным на рынке труда специальностям, привитие (восстановление) профессиональных трудовых навыков; выработка у осужденных психологической и нравственной потребности трудиться; формирование ответственности за выбор своего жизненного пути и реализацию намеченного.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная инспекция, социальная помощь, осужденные, наказания, не связанные с изоляцией от общества, социально-психологическая помощь.

Одним из ведущих принципов развития современной пенитенциарной системы является принцип гуманизма. Ежегодное увеличение количества осужденных без изоляции от общества, состоящих на учетах уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), предполагает повышение эффективности исполнения альтернативных видов наказаний, приоритетным из которых является оказание социально-психологической помощи подконтрольным лицам [1, с. 41].

В соответствии с разделом 5 «Исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, проведение мероприятий в целях адаптации освободившихся осужденных в обществе» Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. важными направлениями совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы (УИС) по исполнению наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции осужденных от общества являются «придание работе уголовно-исполнительных инспекций социальной направленности с акцентом на вовлечение осужденных в трудовую деятельность, приобретение профессии в рамках реализации основных профессиональных образовательных программ, активизация сотрудничества со структурами гражданского общества, способными оказать позитивное гуманитарное воздействие на осужденных, оптимизация социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными; привлечение органов местного самоуправления, занятости населения, образования и здравоохранения, общественности, реабилитационных центров и иных организаций к процессу социальной адаптации и исправлению осужденных». Таким образом, Концепция наряду с исполнением наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества «ставит перед уголовно-исполнительными инспекциями задачу оптимизации социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными» [2, с. 68]. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» определяет правовые, организационные и финансовые основы социального обслуживания осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества.

Наличие региональных программ по оказанию социально-психологической помощи лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, и лицам, осужденным к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, содействию их ресоциализации и адаптации в обществе позволяет активизировать институты гражданского общества, способствовать вовлечению осужденных в трудовую деятельность и оказывать положительное влияние на предупреждение повторных преступлений среди осужденных без изоляции от общества. Как верно отмечают О. В. Крючкова-Пилагина и М. А. Лебедь, «скорректировать поведение осужденного без изоляции от общества в быту и социуме возможно не только карательно-воспи-

тательным воздействием, но и своевременным оказанием психологической помощи, социальной реабилитации» [3, с. 341].

В соответствии с ч. 2 ст. 1 УИК РФ одной из основных задач уголовно-исполнительного законодательства является оказание осужденным помощи в социальной адаптации. При этом решение комплекса задач, направленных на оказание социально-психологической помощи осужденным без изоляции от общества, невозможно без взаимодействия уголовно-исполнительной инспекций и субъектов профилактики, общественных объединений, социально-реабилитационных центров, казачьих объединений, центров занятости и др. [4, с. 4]. В целях организации и повышения эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций организовано заключение соглашений с различными ведомствами, разработаны совместные планы и программы, позволяющие проводить комплексную реабилитацию и социальную адаптацию подконтрольных лиц в обществе.

При участии УИИ подконтрольным лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, оказывается разноплановая помощь: содействие в трудоустройстве, приобретении профессии, получении медицинской помощи, восстановлении утраченных документов; получении материальной помощи, решении жилищных проблем, организации летнего отдыха несовершеннолетних осужденных, получении психологической и иной помощи (организация досуга, получение образования и прохождение профессионального обучения и др.). «Важнейшей задачей сотрудника УИИ, – подчеркивает Н. Е. Колесникова, – является такое выстраивание отношений с осужденным, чтобы он не только отбыл наказание, альтернативное лишению свободы, без рецидива, но и социально реабилитировался в обществе» [5, с. 57].

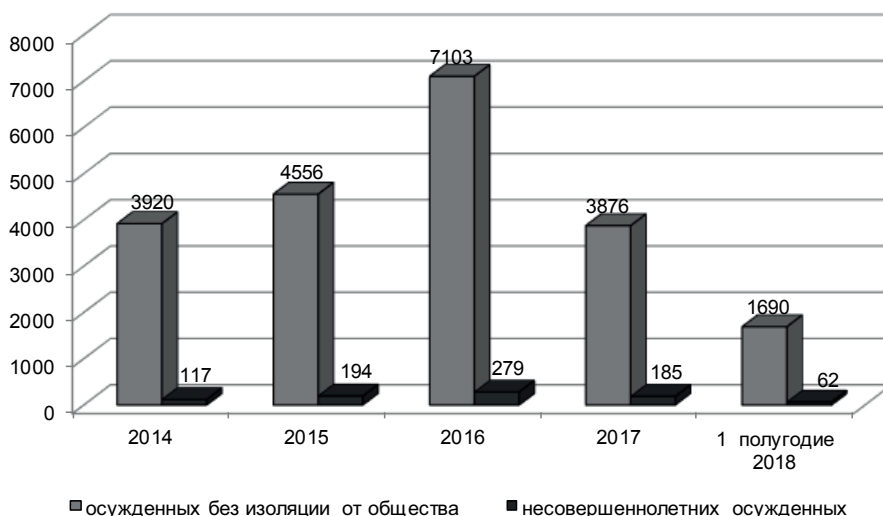

Рис. 1. Численность лиц, состоявших на учетах в филиалах УИИ УФСИН России по Оренбургской области в отчетном периоде, получивших социально-психологическую и иную помощь

Повышение уровня правосознания, развитие общепринятых норм поведения, профилактика деструктивного поведения и предупреждение повторных преступлений, формирование положительной социальной мотивации у осужденных – это далеко не полный перечень задач, решаемых уголовно-исполнительными инспекциями в пе-

риод отбытия наказания осужденными без изоляции от общества и способствующих социально-психологической реабилитации подконтрольных лиц.

Обращаясь к опыту ФКУ УИИ УФСИН России по Оренбургской области, следует отметить, что численность лиц, состоявших на учете в филиалах ФКУ УИИ, получивших социально-психологическую и иную помощь, в I полугодии 2018 г. составила 1690 человек (из них несовершеннолетних – 62 чел.), аналогичный показатель в 2017 г. составил 3876 чел. (из них несовершеннолетних – 185 чел.), 2016 – 7103 чел. (из них несовершеннолетних – 279 чел.), 2015 – 4556 чел. (из них несовершеннолетних – 194 чел.), в 2014 г. – 3920 чел. (из них несовершеннолетних – 117 чел.) (рис. 1).

Вследствие социальной неустроенности осужденных (отсутствие работы и соответствующих документов для трудоустройства, незанятость трудом либо учебой, психологические проблемы, разногласия с семьей, обществом, отсутствие места жительства, алкогольная зависимость и т. п.) одним из главных направлений при исполнении наказаний без изоляции от общества является организация деятельности по оказанию осужденным помощи в социальной адаптации. Данное направление имеет серьезное значение, поскольку социальная неустроенность осужденных в конечном итоге становится катализатором противоправного поведения, приводящего к рецидиву. В то же время необходимо подчеркнуть, что на уголовно-исполнительные инспекции законом не возложена обязанность по непосредственному оказанию социальной помощи осужденным. В качестве таких субъектов выступают специализированные, уполномоченные на то подразделения в лице соответствующих федеральных органов исполнительной власти, их территориальных органов, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Кроме того, такую поддержку и помощь лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, оказывают различные общественные объединения и иные организации [6, с. 68–72].

Говоря о трудной жизненной ситуации, провоцирующей осужденного на совершение повторного преступления, следует сказать, что, как правило, она представляет собой совокупность социальных причин и условий, носящих негативный характер, усиленных внутриличностными и межличностными конфликтами конкретного правонарушителя.

Формирование правопослушного поведения осужденного и снижение вероятности совершения рецидива с его стороны выступает одной из главных задач уголовно-исполнительной инспекции.

«Анализ психологических исследований и социально-демографических данных, – отмечают О. В. Крючкова-Пилягина и М. А. Лебедь, – показал, что среди лиц, совершивших преступления, преобладают городские жители – 64,5 %» [3, с. 342]. Незанятость общественно полезной деятельностью более половины осужденных является негативным фактором при совершении правонарушений. В качестве оснований данного факта выступают как экономические причины (в частности, отсутствие работы), так и нежелание осужденных трудиться, личностный инфантилизм, а также направленность личности на праздное времяпрепровождение. Немаловажное значение в данном аспекте имеют такие показатели, как отсутствие семьи и социально полезных связей, низкие уровни интеллекта и образования, злоупотребление алкоголем, употребление наркотических и психоактивных веществ.

Принимая во внимание вышеотмеченные составляющие, характеризующие личность осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, считаем, что деятельность УИИ по предупреждению рецидива должна охватываться совокупностью мероприятий с обязательным присутствием социальной и психологической помощи.

Социально-психологическое сопровождение, включающее в себя мероприятия по изучению личности осужденного, его внутренних установок, влияния на его поведение окружающей среды, проведение индивидуального консультирования осужденных и их родственников, осуществление групповых психопросветительских и психокоррекционных мероприятий осуществляется инспекторами совместно с психологом УИИ.

Так, в I полугодии 2018 г. сотрудниками отделения психологического обеспечения ФКУ УИИ УФСИН России по Оренбургской области была оказана психологическая помощь 1102 осужденным (из них 82 несовершеннолетним). Аналогичный показатель в 2017 г. составил 2787 чел. (из них несовершеннолетних – 156 чел.), 2016 – 6367 чел. (из них несовершеннолетних – 245 чел.), 2015 – 4556 чел. (из них несовершеннолетних – 194 чел.), в 2014 г. – 3920 чел. (из них несовершеннолетних – 117 чел.) (рис. 2).

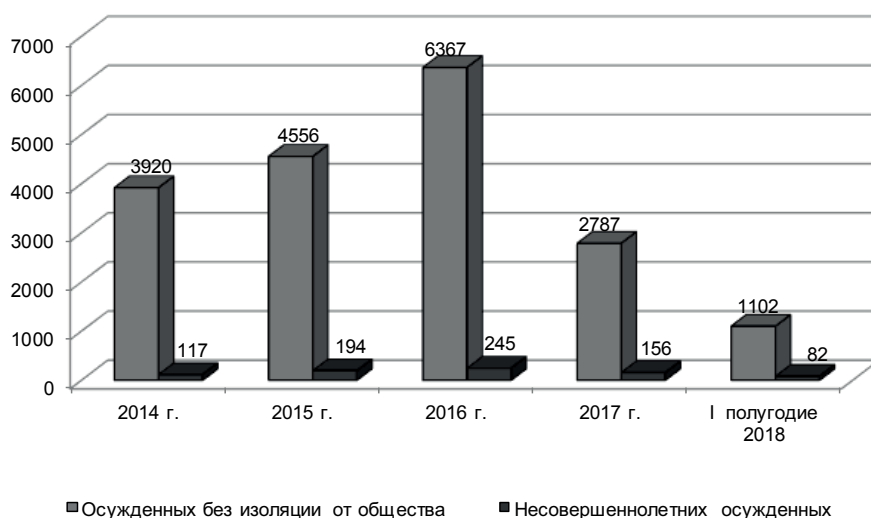

Рис. 2. Численность лиц, состоявших на учетах в филиалах УИИ УФСИН России по Оренбургской области в отчетном периоде, получивших психологическую помощь

Индивидуальные консультации получили в I полугодии 2018 г. 265 осужденных (в том числе 14 несовершеннолетних), 2017 – 1125 чел. (из них 35 несовершеннолетних), 2016 – 3024 чел. (из них 60 несовершеннолетних), 2015 – 1997 чел. (из них 63 несовершеннолетних), в 2014 г. – 2009 чел. (из них 45 несовершеннолетних).

Психокоррекционные мероприятия в ФКУ УИИ УФСИН России по Оренбургской области были проведены в I полугодии 2018 г. в отношении 837 осужденных (в том числе 68 несовершеннолетних), 2017 – 1662 чел. (из них 121 несовершеннолетний), 2016 – 3343 чел. (из них 185 несовершеннолетних), 2015 – 2559 чел. (из них 131 несовершеннолетний), в 2014 г. – 1911 чел. (из них 72 несовершеннолетних).

Следует отметить, что в настоящее время вопрос оказания социальной помощи осужденным без изоляции от общества относится к числу приоритетных для органов государственной власти наряду с другими вопросами социальной поддержки населения.

4 декабря 2015 г. на расширенном заседании постоянно действующего координационного совещания по обеспечению правопорядка в Оренбургской области рассматривался вопрос «О повышении эффективности взаимодействия уголовно-исполнительной инспекции УФСИН России по Оренбургской области, территориальных органов феде-

рального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, органов местного самоуправления и общественных организаций в сфере предупреждения повторной преступности среди осужденных без изоляции общества» [7].

Губернатором были поставлены задачи по реализации комплекса мер, направленных на оказание лицам, осужденным без изоляции от общества, адресной социальной помощи, содействия в профориентации и трудоустройстве, восстановлении утраченных документов. Главам городских округов и муниципальных районов Оренбургской области было поручено сформировать перечни предприятий с достаточным количеством рабочих мест для отбывания наказания лицами, осужденными к обязательным и исправительным работам.

При постановке на учет осужденного к наказанию без изоляции от общества первоначально проводится ознакомительная беседа, в ходе которой сотрудник филиала ФКУ УИИ проверяет документы, составляет анкету, получает сведения о месте жительства, работы, занятиях, о родственниках и лицах, проживающих совместно с ним, выясняет материальное положение, источники дохода, жилищные условия, состояние здоровья в целях установления факта нуждаемости осужденного в оказании социальной помощи.

С целью своевременного и адресного оказания социальной помощи подконтрольным лицам в УИИ разработана анкета социального сопровождения, которая заполняется при постановке на учет осужденных без изоляции от общества и определяет вид помощи, в которой они нуждаются.

Основная масса осужденных, проходящих по учетам филиалов ФКУ УИИ области, обременены множеством проблем социального характера, возникших вследствие социальной неграмотности. Большинство осужденных не знают о наличии специальных федеральных служб, их полномочиях, целях и задачах, о возможностях решения тех или иных проблемных вопросов. Безусловно, решить все социальные проблемы всех осужденных невозможно, но оказать посильную социальную помощь, обратиться с соответствующими ходатайствами в организации, предприятия и учреждения о содействии в оказании помощи является одной из основных задач филиалов ФКУ УИИ.

В филиалах по Советскому и Ленинскому районам г. Орска ФКУ УИИ УФСИН России по Оренбургской области с целью оказания социальной помощи осужденным без изоляции от общества и предотвращения рецидивной преступности организована работа по взаимодействию со структурами гражданского общества, заключены соглашения с ГБУЗ «Орский центр по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями» от 12 января 2012 г., с автономной некоммерческой культурно-просветительской организацией «Радуга» от 12 января 2012 г., Орским городским казачьим обществом от 12 октября 2012 г., ГБУ «Центр занятости населения города Орска» от 23 июля 2012 г., филиалом ГБУЗ «Оренбургский областной клинический наркологический диспансер» – «Орский наркологический диспансер» от 21 августа 2013 г., ГКУ Центр социальной адаптации лиц без определенного места жительства «Феникс» от 18 декабря 2012 г., МБУК «Центральная библиотечная система г. Орска» от 13 августа 2013 г., «Комплексным центром социального обслуживания населения г. Орска» от 12 октября 2012 г.

В соответствии с данными соглашениями, а также при содействии органов системы профилактики филиалами по Советскому и Ленинскому районам г. Орска проводилась активная работа по оказанию помощи в рамках решения жилищных проблем.

Так, в филиале по Советскому району г. Орска осужденной к лишению свободы с отсрочкой отбывания наказания до достижения ребенком 14-летнего возраста П. была оказана помощь в постановке в очередь на приобретение жилья и получении жилищ-

ного сертификата. Осужденной П. было выдано направление в управление социальной защиты населения, а также в жилищный отдел администрации г. Орска.

Осужденному Ш., являющемуся сиротой, было выдано направление в отдел опеки и попечительства, а также сделан запрос в Ростехинвентаризацию и БТИ. По результатам обращения в администрацию г. Орска и отдел опеки осужденный Ш. был поставлен в очередь для приобретения жилья.

Осужденному к наказанию в виде обязательных работ А. было выдано направление в Центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства. Сотрудниками ЦСА «Феникс» была оказана помощь в получении документов и предоставлении временного жилья.

Сотрудниками УИИ проводится работа по оказанию содействия осужденным в получении материальной помощи. Так, по ходатайству филиала по Ленинскому району г. Орска отделом социальной защиты населения при администрации г. Орска была оказана адресная помощь осужденной с отсрочкой отбывания наказания и воспитывающей четверых несовершеннолетних детей Б. Помимо выделения денежной помощи в размере 5000 рублей для приобретения детям сезонной одежды, было выделено место в детский сад, дети находились на оздоровлении в загородном лагере «Лесная сказка». Кроме того, в рамках акции «Идем в школу» семье Б. оказана помощь в виде предоставления набора канцтоваров.

По ходатайству филиала по Советскому району г. Орска отделом социальной защиты населения при администрации г. Орска была оказана адресная помощь осужденной Т. в виде предоставления продуктового набора.

Ежегодно в летний период Комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрации г. Орска совместно с Комплексным центром социального обслуживания населения (КЦСОН) в г. Орске выделяют несовершеннолетним осужденным путевки в детские оздоровительные лагеря.

Осужденным без изоляции от общества, не имеющим на момент постановки на учет паспорта гражданина Российской Федерации, в обязательном порядке выдаются ходатайства в подразделения по вопросам миграции МВД России г. Орска для оказания содействия в оформлении документов. Так, осужденному к исправительным работам Ш., являющемуся лицом без гражданства, оказана помощь в оформлении и получении паспорта гражданина Российской Федерации. Осужденному Н., не имеющему гражданства и в связи с этим не обладающему возможностью получения паспорта и регистрации, сотрудниками филиала было подготовлено ходатайство в Комплексный центр социального обслуживания населения и в паспортно-визовый сервис МВД России. По ходатайству филиала сотрудниками паспортно-визового сервиса проведена соответствующая работа по оформлению документов в отношении Н. для получения гражданства Российской Федерации. С целью оказания помощи в получении документов сотрудниками филиалов выдаются ходатайства в отдел социального страхования для получения медицинского полиса, в управление Пенсионного фонда РФ для получения СНИЛС.

Сотрудники УИИ оказывают содействие осужденным в получении медицинской помощи. Так, осужденным, нуждающимся в получении медицинской помощи, выдаются ходатайства в медицинские учреждения г. Орска. По просьбе осужденных сотрудники филиалов выдают направления в Орский наркологический диспансер с целью прохождения лечения от алкоголизма и наркомании.

Аналогичная работа проводится и другими филиалами ФКУ УИИ УФСИН России по Оренбургской области. Филиал по г. Новотроицку осуществляет сотрудничество с го-

сударственными и общественными организациями, медицинскими и социальными учреждениями г. Новотроицка на основе соглашений и планов совместных мероприятий по оказанию социальной помощи осужденным к наказаниям без изоляции от общества. Например, 10 января 2015 г. подписано соглашение о предоставлении социальной помощи осужденным к наказаниям без изоляции от общества с государственным автономным учреждением социального обслуживания «Комплексный центр социального обслуживания населения в г. Новотроицке» (ГАУСО «КЦСОН»). В функции данной службы входит осуществление патронажа семей, находящихся в социально опасном положении, проведение обследования жилищно-бытовых условий, предоставление актов, а при необходимости, оказание материальной помощи в виде предоставления осужденным продуктов питания, одежды и др.

С целью профилактики социально опасных форм поведения среди осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, 28 февраля 2014 г. заключено соглашение о социальном партнерстве и сотрудничестве с автономной некоммерческой культурно-просветительской организацией «Радуга». На базе кабинета для групповой работы, согласно плану совместных мероприятий, проводятся лекции для несовершеннолетних осужденных по социально актуальным темам: «Дыши свободно», «Правда об алкоголе», «Что может сделать мечта?», «Жизненные цели и мои мечты», «Сила слова», «Осознание своей роли в семье», «Влияние ЭМИ на организм человека» и др.

В целях профилактики ВИЧ-инфекции среди осужденных, формирования культуры, ориентированной на здоровый образ жизни, с 28 февраля 2014 г. на основании заключенного соглашения о социальном партнерстве осуществляется сотрудничество с филиалом государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Оренбургская областная клиническая инфекционная больница», Новотроицким центром профилактики борьбы со СПИД.

На основании заключенного 21 января 2011 г. филиалом ФКУ УИИ по г. Новотроицку соглашения о социальном партнерстве в целях патриотического, социально-культурного и духовного воспитания несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества, осуществляется взаимодействие с Новотроицким станичным казачьим обществом. С целью развития у несовершеннолетних осужденных активной жизненной позиции, коррекции личностных ценностей совместно с представителями казачества организуются мероприятия по благоустройству города, торжественные мероприятия по формированию гражданской ответственности и долга, лекции с участием старейшины Новотроицкого станичного казачьего общества на тему «История развития казачьего общества», «Обычаи и традиции казачества».

Тоцким межмуниципальным филиалом ФКУ УИИ УФСИН России по Оренбургской области в целях решения задач, связанных с оказанием социальной помощи осужденным без изоляции от общества, с 9 июня 2012 г. заключено соглашение с муниципальным автономным учреждением «Комплексный центр социального обслуживания населения» Тоцкого района, на основании которого осужденным оказывается материальная помощь, заключающаяся в предоставлении летней, зимней, демисезонной, детской одежды, бывшей в использовании.

Отделение срочного социального обслуживания на мобильной основе КЦСОН принимает от населения вещи (предметы одежды, бытовую технику, мебель, игрушки, велосипеды, инвалидные коляски, костыли), имеющие хорошее состояние, в целях последующей передачи малообеспеченным и многодетным семьям. О наличии конкретных

вещей сотрудники КЦСОН регулярно сообщают в Тоцкий межмуниципальный филиал ФКУ УИИ.

Тоцкий межмуниципальный филиал ФКУ УИИ при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества, с 2012 г. тесно взаимодействует с общественными объединениями Тоцкого района. Взаимодействие с добровольной народной дружиной при муниципальном образовании Тоцкий сельсовет выражается в проведении совместных рейдовых мероприятий, в ходе которых посещают осужденных по месту жительства. Присутствие в составе указанной дружины жителей данного села, обладающих информацией об осужденных, позволяет повысить эффективность рейдов, способствует ускорению установления места нахождения осужденных, скрывшихся от контроля уголовно-исполнительной инспекции.

Для проведения рейдов с ДНД, согласно утвержденным графикам на месяц, организации и учреждения Тоцкого района предоставляют служебный транспорт. В ходе рейдов с ДНД выявляются имеющиеся у осужденных проблемы социального характера.

Серьезную работу сотрудники филиалов УИИ проводят со состоящими на учете несовершеннолетними. Применительно к данной категории осужденных учитываются возрастные психологические особенности, социальный статус, отношения в семье.

Сотрудники УИИ совместно с государственными и общественными организациями организуют досуг несовершеннолетних осужденных: посещение музеев, кинотеатров, ледовых катков, концертов, участие в спортивных мероприятиях. Так, 10 апреля 2018 г. несовершеннолетние осужденные, состоящие на учете филиалов г. Оренбурга, посетили Пасхальный концерт в СКК «Оренбуржье». 7 мая 2018 г. при содействии отдела по обеспечению деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и отдела по социальным вопросам администрации Северного округа г. Оренбурга был организован просмотр несовершеннолетними, состоящими на учете филиала по Дзержинскому району г. Оренбурга, кинофильма «Танки» в ТРЦ «Север» г. Оренбурга.

Осуществляется работа по взаимодействию с социальными педагогами, классными руководителями, мастерами профессиональных училищ, школ, колледжей. Сотрудники филиалов участвуют в советах профилактики школ, училищ, в заседаниях КДН и ЗП, где обсуждаются поведение подростков, вопросы обучения и трудоустройства, оказания им социальной помощи, проводится работа с семьями и администрациями учебных заведений.

28 апреля 2018 г. в филиалах по Дзержинскому, Ленинскому и Центральному району г. Оренбурга ФКУ УИИ в рамках месячника по профилактике алкоголизма, токсикомании, наркомании и табакокурения среди детей и подростков проведено профилактическое мероприятие с несовершеннолетними осужденными с участием врача-нарколога Областного наркологического диспансера Оренбургской области.

В 2017 г. в целях организации летней занятости несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в филиале по Ленинскому району г. Оренбурга, при содействии КДН и ЗП Южного округа г. Оренбурга двум подросткам оказана помощь в получении путевок в палаточный лагерь на базе летнего оздоровительного лагеря «Янтарь».

Для своевременной информированности осужденных о возможности получения той или иной помощи на информационных стендах всех филиалов ФКУ УИИ УФСИН России по Оренбургской области размещена информация с указанием наиболее востребованных номеров телефонов (телефон доверия, телефоны субъектов профилактики, телефоны реабилитационных центров по профилактике и лечению наркомании и алкоголизма) возможности получения социальной помощи.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что задачей сотрудника уголовно-исполнительной инспекции является не только реализация наказания, назначенного осужденному судом, но и профилактическая работа, составной частью которой является оказание ему разноплановой помощи, способствующей исправлению и социальной адаптации. Именно поэтому, как верно указывает Н. Е. Колесникова, «в числе приоритетов социального исправительного воздействия на осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества, являются: формирование и развитие социально значимых знаний, умений и навыков осужденных; повышение общего уровня образования, культуры и правосознания; обучение востребованным на рынке труда специальностям, привитие (восстановление) профессиональных трудовых навыков; выработка у осужденных психологической и нравственной потребности трудиться; формирование ответственности за выбор своего жизненного пути» [5, с. 57].

Библиографический список

1. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2016. 80 с.
2. Ольховик Н. В. Ресоциализация осужденных без изоляции от общества и деятельность уголовно-исполнительных инспекций по предупреждению преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 1(7). С. 68–74.
3. Крючкова-Пилягина О. В., Лебедь М. А. Правовое сопровождение социальной работы с осужденными, их ресоциализации и социальной адаптации // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики : материалы Междунар. науч.-практ. межвед. конф. / под общ. ред. А. А. Вотина. Самара, 2016. С. 341–344.
4. Зарембинская Е. Л. Я горжусь нашими сотрудниками // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 5(144). С. 3–7.
5. Колесникова Н. Е. Анализ социально-психологических факторов трудоустройства осужденных к наказаниям, альтернативным лишению свободы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 2(65). С. 56–59.
6. Габараев А. Ш., Новиков А. В. Организация и современное состояние социальной работы с несовершеннолетними осужденными, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций // Российский следователь. 2018. № 8. С. 68–72.
7. Начальник ФКУ УИИ УФСИН России по Оренбургской области приняла участие в координационном совещании по обеспечению правопорядка в Оренбургской области. URL : http://56.xn--h1akkl.xn--p1ai/news/detail.php?ELEMENT_ID=226457 (дата обращения: 20.10.2018).

УДК 343.25

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.026-029

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА ЗУБКОВА,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований
и сравнительного правоведения,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: sl-lab@law.msu.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НАКАЗАНИЯ О ПОЖИЗНЕННОМ ЛИШЕНИИ СВОБОДЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Для цитирования

Зубкова, В. И. Некоторые проблемные вопросы наказания о пожизненном лишении свободы в законодательстве России / В. И. Зубкова // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 26–29. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.026-029.

Аннотация. В статье раскрывается понятие пожизненного лишения свободы, его позитивность (непозитивность) в выполнении целей наказания, рассматриваются психологические аспекты осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, затрагиваются вопросы, связанные с расширением числа преступлений, за совершение которых может быть назначено пожизненное лишение свободы, а также необоснованным отказом в условно-досрочном освобождении или в применении иных мер для освобождения осужденных, имеющих во многих странах Европы. Ретроспективно анализируются изменения уголовного законодательства в части пожизненного лишения свободы. На основании проведенного анализа проблемных вопросов назначения и исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы предлагаются конкретные изменения действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства: сокращение срока отбывания наказания для применения условно-досрочного освобождения; использование опыта западных стран в части применения поэтапных условий отбывания наказания (из более жестких в более мягкие) с последующим применением условного освобождения; сокращение числа составов преступлений, предусматривающих наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Ключевые слова: наказание, пожизненное лишение свободы, справедливость, криминализация деяний, условно-досрочное освобождение, длительность наказания, сравнение с законами других стран.

© Зубкова В. И., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Пожизненное лишение свободы как вид уголовного наказания появилось в уголовном законодательстве России в 1992 г. и заняло предпоследнее место в системе наказаний перед смертной казнью. Самостоятельным видом наказания пожизненное лишение свободы стало после введения в действие Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) в 1996 г. Войдя в систему наказаний, оно было установлено как альтернатива смертной казни. В июле 2004 г. была введена новая редакция ст. 57 УК РФ, и с тех пор пожизненное лишение свободы является самостоятельным видом уголовного наказания. Тогда же изменились и санкции некоторых квалифицированных преступлений, за совершение которых было установлено наказание в виде пожизненного лишения свободы (ч. 2 ст. 105 (убийство), ч. 3 ст. 205 (терроризм) УК РФ). В 2008 г. введено пожизненное лишение свободы за квалифицированный захват заложника – ч. 4 ст. 206, организацию преступного сообщества – ч. 4. ст. 210, диверсию – ч. 3 ст. 281 УК РФ. Таким образом, на 2008 г. в УК РФ было пять составов преступлений, предусматривающих пожизненное лишение свободы. Однако с тех пор число составов преступлений с применением пожизненного лишения свободы не осталось неизменным, оно время от времени расширяется. На сегодняшний день в УК РФ 21 состав преступлений, караемых пожизненным лишением свободы. Следует отметить, что система наказаний не остается неизменной, она значительно расширилась и составляет 13 видов наказаний.

Пожизненное лишение свободы, как и лишение свободы на определенный срок, заключается в изоляции осужденного от общества в исправительных колониях особого режима, но бессрочно (пожизненно). Это вид наказания заключается не только в бессрочности его отбывания, но и в особо жестком режиме исполнения этой меры, что резко отличается от лишения свободы на определенный срок.

Систему наказаний в литературе называют лестницей наказаний, то есть пожизненное лишение свободы – это ступень этой лестницы. Некоторые исследователи считают это наказание не ступенью лестницы наказаний, а пропастью, так как там происходит угасание человека, там нет единицы (срока) измерения отбытия наказания. По мнению психолога В. Д. Попова, условия при отбывании пожизненного лишения свободы «не пыточные, но на самом деле чудовищные, уродливые, и не могут не калечить среднего возраста осужденных, поскольку это наказание отбывают лица в основном в 33–35, 39 лет» [1, с. 89; 2, с. 57, 63]. Кроме того, пожизненное лишение свободы обладает объективно существенным недостатком. Осужденный отрывается от социальной среды, в которой обычно находился, от семьи, друзей и попадает в особую микросреду, которая отрицательно на него влияет, особенно на человека, впервые отбывающего лишение свободы. Согласно переписи 2009 г. в России пожизненное лишение свободы отбывают в возрасте 30–39 лет – 38,2 %; в возрасте 40–49 лет – 36,0 % [3, с. 283].

По данным В. А. Тирранена, пожизненное лишение свободы не влияет на снижение соответствующих преступлений, как и любое другое, оно не пугает людей от их совершения. Казалось бы, у этих людей была надежда через 25 лет освободиться по УДО, но уже через 10 лет утрачиваются социальные связи (уходят жены, умирают родители, дети забывают), остаются только мучения [4, с. 70–82].

Многие исследователи считают, что любое наказание должно допускать возможность исправления осужденного и его освобождения по этой причине от дальнейшего отбывания наказания. Однако через 12–15 лет в условиях колонии лицо полностью теряет все социальные связи, а через 20 лет перестает ориентироваться в мире за пределами мест заключения. При выходе на свободу бывший заключенный за неимением альтернативы будет пытаться реализовать себя через девиантное поведение, в том числе совершать

преступления с целью вернуться в привычное для него место. В то же время пожизненное лишение свободы является единственным из всей системы наказаний, в процессе отбывания которого можно специфически воспитывать и исправлять осужденного, ликвидировать у него антисоциальные навыки, привычки, то есть ресоциализировать его и возвращать в общество исправившимся человеком. Ведь согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ цели исправления, предупреждения и восстановления социальной справедливости поставлены перед любым наказанием, не делая исключения в отношении пожизненного лишения свободы. Становится непонятно, для чего тогда поставлены эти цели перед пожизненным лишением свободы, если в отношении этой категории лиц не применяется условно-досрочное освобождение. Вместе с тем, согласно ч. 5 ст. 79 УК РФ лицо может быть освобождено условно-досрочно через 25 лет, однако в России по не понятным исследователям причинам отказывают в УДО лицам, которые уже отбыли этот срок.

Следует также отметить, что пожизненное лишение свободы установили и за те преступления, где нет причинения смерти людям, например ст. 277 УК РФ – посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; ст. 295 УК РФ – посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование. Трудно ответить на вопрос: почему 20 лет лишения свободы, установленные в этих санкциях, наряду с пожизненным лишением свободы, являются недостаточной мерой, тем более что смерть никому не причинена. Этот вопрос весьма важный, и он подлежит самостоятельному исследованию с учетом обстоятельств дела и правил назначения наказания самого строгого наказания при альтернативной санкции. Кроме того, согласно статистическим данным, применение пожизненного лишения свободы в России в определенные годы шло с нарастанием. Так, в 1998 г. к этому виду наказания осуждено 55 чел., 1999 – 75 чел., 2000 – 98 чел., в 2001 г. – 128 чел. [5, с. 160].

С нашей точки зрения, установленный в законе срок в 25 лет для условно-досрочного освобождения нуждается в изменении. С учетом сравнительно-правового анализа института условно-досрочного освобождения наиболее оптимальным является минимальный срок фактического отбытия пожизненного лишения свободы в 20 лет. Именно этот срок является максимальным при назначении наказания в виде лишения свободы (ч. 2 ст. 56 УК РФ).

Многие государства стараются расширить возможности для досрочного освобождения пожизненных заключенных либо применять поэтапно переводы их в другие условия отбывания. Между тем хочется назвать страны, где нет пожизненного лишения свободы: это – Норвегия, Испания, Португалия, Бразилия, Филиппины, Хорватия, Словения, Латвия.

Во многих европейских государствах условно-досрочное освобождение осужденного к пожизненному лишению свободы применяется через более короткий срок, чем в России. Например, в ФРГ для условно-досрочного освобождения лицо должно отбыть 15 лет (§ 57 а); в Швейцарии – 15 лет (ст. 38); Австрии – 15 лет (§ 6 а); Швеции – 10 лет. В ряде стран применяется постепенный перевод осужденных в более облегченные условия. Например, в Италии лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, после отбытия 8–10 лет может быть переведено в совершенно другие условия со свободным передвижением, а через некоторое время вообще освободиться.

Некоторые исследователи считают категорически недопустимым применение условно-досрочного освобождения в отношении пожизненно лишенных свободы, при этом не объясняют мотивы своей позиции, однако высказывают мнение, что условно-досрочное освобождение пожизненно лишенных свободы приведет к тому, что эти лица будут

совершать преступления в связи с отсутствием у них навыков нормальной жизни. В то же время практического подтверждения этих фактов нет, это голые домыслы, так как у нас еще нет ни одного условно-досрочного освобождения. Исходя из этой позиции получается, что общество должно растить опасных преступников, а не стремиться их исправлять и ресоциализировать, приучать жить в нормальных условиях. Ведь лицо, вышедшее через 25 лет (если, конечно, выйдет), забыло все правила проживания в нормальном социуме. Безусловно, он стремится вернуться обратно, что уже для него не является наказанием.

Таким образом, считаем необходимым:

- сократить срок отбытия для применения условно-досрочного освобождения;
- использовать опыт западных стран в части применения поэтапных условий отбывания наказания (из более жестких в более мягкие) с последующим применением условного освобождения;
- сократить число составов преступлений, предусматривающих наказание в виде пожизненного лишения свободы, и не расширять их.

Библиографический список

1. Платонов К. К. О системе психологии. М., 1972. 216 с.
2. Попов В. Д. Психология. М., 2003. 205 с.
3. Осужденные и содержащиеся под стражей в России: по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. / под общ. ред. Ю. И. Калинина; науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2012. 939 с.
4. Тирранен В. А. Высшие меры уголовного наказания: новое слово в старом споре. М., 2013. 184 с.
5. Преступность и правонарушения : стат. сб. М., 2002. 179 с.

УДК 343.819

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.030-034

ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА ЖИЛКО,
помощник проректора по научной работе,
Уральский государственный юридический университет,
г. Екатеринбург, Российская Федерация,
e-mail: zhia001@usla.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ, ОСТАВЛЕННЫХ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ РАБОТ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ

Для цитирования

Жилко, И. А. Некоторые проблемы правового регулирования исполнения лишения свободы в отношении осужденных, оставленных в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию / И. А. Жилко // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 30–34. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.030-034.

Аннотация. В статье анализируются некоторые организационно-правовые вопросы, связанные с правовым регулированием исполнения и отбывания лишения свободы осужденными, оставленными в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию. В иерархической структуре регламентации данного института уголовно-исполнительного права существуют юридические акты трех уровней: конвенционного, уровня национальных (общероссийских, федеральных) законов и подзаконных нормативных актов. При этом имеет место определенная коллизия между материальными нормами статей 56 и 58 Уголовного кодекса Российской Федерации, которые являются первичными, и производными от них нормами уголовно-исполнительного законодательства (часть 9 статьи 16, часть 1 статьи 74 и часть 1 статьи 77 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) в части мест для отбывания лишения свободы. Осужденные, содержащиеся в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, отбывают наказание в специфических условиях, на них распространяет свое действие весь массив нормативных правовых актов, регулирующих те или иные вопросы, связанные с исполнением уголовного наказания в виде лишения свободы. Вместе с тем в рассматриваемых актах фактически ничего не говорится об особенностях исполнения лишения свободы в следственных изоляторах в отношении осужденных из отрядов хозяйственного

© Жилко И. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

обслуживания. На основании проведенного анализа автором предлагается ряд изменений действующего уголовно-исполнительного законодательства в сфере исполнения и отбывания лишения свободы осужденными, содержащимися в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

Ключевые слова: осужденные, следственные изоляторы, работы по хозяйственному обслуживанию, уголовно-исполнительное законодательство.

Статья 77 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) предусматривает возможность отбывания лишения свободы в следственных изоляторах (СИЗО). Следует согласиться с Ф. М. Городиным, который утверждает, что «лишение свободы обладает противоречивыми свойствами, которые, с одной стороны, не позволяют законодателю отказаться полностью от него, с другой – заставляют ограничивать его применение» [1. с. 189].

Институт исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в следственных изоляторах в отношении осужденных, оставленных в них для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, обладает существенной спецификой, проявляющейся в практической, правоприменительной сфере и его законодательном оформлении и регулировании. Значимость исследовательского анализа этих специфических особенностей усиливается происходящим процессом реформирования российской пенитенциарной системы, затрагивающей все ее составляющие.

Анализ законодательства, составляющего нормативно-правовую основу исполнения наказания в виде лишения свободы в СИЗО в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, привел нас к выводу о наличии в иерархической структуре регламентирующих данный институт уголовно-исполнительного права юридических актов трех уровней: конвенционного уровня, уровня национальных (общероссийских, федеральных) законов и уровня подзаконных нормативных актов. В рамках статьи рассмотрим некоторые организационно-правовые вопросы исполнения лишения свободы в отношении рассматриваемой категории осужденных, связанные с нормативно-правовым регулированием на законодательном уровне, а также на уровне подзаконных актов.

К нормативным правовым актам второго структурного уровня относятся Конституция РФ, УК РФ, УИК РФ, Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

Анализ норм законодательных актов, определяющих как правовой статус лиц, осужденных к лишению свободы и оставленных в СИЗО для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, так и положение исправительных учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, показал, что между ними существует некая рассогласованность – законодательная недоработка.

Так, в ст. 56 и 58 УК РФ, содержащих уголовно-правовые нормы, закрепляющие систему исправительных учреждений, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, нет ни упоминания, ни каких-либо указаний на следственные изоляторы, тогда как в ч. 9 ст. 16, ч. 1 ст. 74 и ч. 1 ст. 77 УИК РФ следственные изоляторы отнесены

к учреждениям, в которых исполняется уголовное наказание в виде лишения свободы в отношении осужденных, оставленных в СИЗО для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, а также в отношении ряда иных категорий осужденных. Таким образом, налицо коллизия между материальными нормами ст. 56 и 58 УК РФ, которые являются первичными (именно данными нормами и разъяснениями, содержащимися в постановлении пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений», руководствуется суд при определении вида исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы) и производными от них нормами уголовно-исполнительного законодательства. Последние в указанной части не соответствуют первым, а производят, расширяя перечень данных учреждений, некую «интервенцию» в область уголовно-правового регулирования.

Полагаем, что для приведения названных норм УИК РФ в соответствие с положениями уголовного законодательства, основывающимися на Конституции РФ, необходимо ст. 56 УК РФ дополнить ч. 1.1 следующего содержания: «Следственные изоляторы, в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, могут исполнять лишение свободы в отношении отдельных категорий осужденных».

Кроме того, в УИК РФ нормы, регулирующие содержание осужденных в СИЗО, также требуют корректировки. Так, в частности, ст. 16 УИК РФ «Учреждения и органы, исполняющие наказание» определяет, что лишение свободы могут исполнять СИЗО в отношении только осужденных, оставленных в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию. Вместе с тем ч. 1 ст. 74 УИК РФ предусматривает гораздо больше категорий осужденных, в отношении которых СИЗО исполняет функции исправительного учреждения.

Таким образом, ч. 9 ст. 16 УИК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Наказание в виде лишения свободы исполняется колонией-поселением, воспитательной колонией, лечебным исправительным учреждением, исправительной колонией общего, строгого или особого режима либо тюрьмой, а в отношении лиц, указанных в ч. 1 ст. 74 настоящего Кодекса, следственным изолятором».

В исследуемой сфере представляется весьма интересным опыт исполнения наказаний в Азербайджанской Республике. В соответствии со ст. 69 Кодекса об исполнении наказаний, утвержденного Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 908-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 1 мая 2018 г.), впервые осужденные к наказанию в виде лишения свободы на срок не свыше пяти лет и отбывающие наказание в учреждении отбывания наказания общего режима в исключительных случаях по их согласию могут содержаться не только в следственном изоляторе и тюрьме для выполнения работ по хозяйственному и бытовому обслуживанию (как и в России), но и в лечебном учреждении, чего не предусмотрено уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации.

Учитывая опыт Азербайджанской Республики и принимая во внимание существующие на практике в Российской Федерации проблемы с хозяйственным обслуживанием лечебно-профилактических учреждений [2, с. 8, 11], необходимо рассмотреть вопрос о законодательном закреплении направления осужденных в данные учреждения для выполнения соответствующих работ.

Третий уровень в структуре юридических актов, регламентирующих институт исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, оставленных в следственных изоляторах для выполнения хозяйственных работ, – приказы

Минюста России: от 25 января 1999 г. № 20 «Об утверждении Положения о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации», 14 октября 2005 г. № 189 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы», 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений», 30 декабря 2005 г. № 259 «Об утверждении Положения об отряде осужденных исправительного учреждения Федеральной службы исполнения наказаний», 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» и ряд других.

В целом необходимо отметить, что на осужденных, оставленных в СИЗО для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, распространяет свое действие весь массив подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих те или иные вопросы, связанные с исполнением уголовного наказания в виде лишения свободы.

Некоторые из этих подзаконных актов, прямо затрагивающих субъективные права и свободы осужденных и их родственников, имеют ограничительные грифы для использования, хотя данные права и законные интересы не подпадают под ограничения, предусмотренные ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а соответствующая информация – под ограничения, предусмотренные ч. 4 ст. 29 Конституции РФ и федеральным законодательством. На наш взгляд, с части указанных документов следует снять ограничения, значительно сужающие возможности ознакомления с информацией, содержащейся в их текстах, людей, которых данная информация напрямую касается. О необходимости исключения с подзаконных актов ограничительных грифов писал В. И. Горобцов в работе «Проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: вопросы теории и практики» [3, с. 62–63].

Это тем более важно, поскольку, в частности, в заключении постоянной комиссии по содействию общественным наблюдательным комиссиям и реформе пенитенциарной системы Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека «О Концепции реформы уголовно-исполнительной системы России» указано на усиление правового регулирования и институционального обеспечения работы уголовно-исполнительной системы. Кроме того, в указанных нормативных правовых актах подчеркнута, что правовая регламентация должна охватывать деятельность всех субъектов пенитенциарных отношений (http://www.president-sovet.ru/structure/group_10/materials/concept_of_reform).

Однако не только в УИК РФ и иных федеральных законах, но и в подзаконных нормативных правовых актах практически ничего не говорится о процедуре исполнения лишения свободы в СИЗО в отношении осужденных из отрядов хозяйственного обслуживания, хотя эта сфера требует к себе пристального внимания.

Основная отличительная особенность режима содержания осужденных, оставленных в СИЗО, заключается в том, что он близок не к режиму, установленному в отношении содержащихся под стражей, а к режиму в исправительных колониях общего режима. Это подтверждает и норма ч. 3 ст. 77 УИК РФ, где указано, что «осужденные, оставленные в следственном изоляторе или тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, содержатся... на условиях, предусмотренных настоящим Кодексом для исправительных колоний общего режима...».

Таким образом, категория осужденных, оставленных в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, находится в двояком положении. С одной стороны, на них распространяются все требования, предусмотренные действу-

ющими нормативными правовыми актами в отношении осужденных, отбывающих лишение свободы в колониях общего режима, а с другой стороны, они содержатся в СИЗО, который по своей структуре принципиально отличается от исправительных колоний.

Полагаем, что с учетом существующих особенностей имеется определенный пробел в правовом регулировании в отношении исполнения и отбывания наказания рассматриваемой категории осужденных. Решить сложившуюся ситуацию, на наш взгляд, возможно дополнением одного из двух существующих нормативных правовых актов: Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (далее – ПВР СИЗО) или Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее – ПВР ИУ). Исходя из названия данных актов и с учетом того, что осужденные, оставленные для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию содержатся в СИЗО, на первый взгляд следует внести изменения в ПВР СИЗО. Однако, учитывая, что ПВР СИЗО регулируют исключительно особенности содержания подозреваемых и обвиняемых, полагаем, что более правильным было бы внести изменения в ПВР ИУ, которые регулируют особенности исполнения и отбывания уголовного наказания осужденными к лишению свободы. Кроме того, в Общих положениях ПВР ИУ прямо указано, что «Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений устанавливают правила внутреннего распорядка в... следственных изоляторах, выполняющих функции исправительных учреждений в отношении находящихся в них... осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию». К сожалению, никаких особенностей содержания рассматриваемой категории осужденных в ПВР ИУ не содержится.

На основании изложенного предлагаем включить в ПВР ИУ следующий раздел: «Особенности отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными, оставленными в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию». В данном разделе должна содержаться следующая информация: понятие режима, устанавливаемого в следственных изоляторах в отношении указанной группы осужденных, отражающее все его телеологические и содержательные особенности; особенности распорядка дня; порядок проживания и питания осужденных; порядок предоставления свиданий; порядок передвижения осужденных в СИЗО и за его пределами, а также ряд других норм.

Таким образом, сфера правового регулирования исполнения лишения свободы в отношении осужденных, оставленных в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, требует дальнейшего анализа и корректировки с учетом современных направлений развития уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

Библиографический список

1. Городинец Ф. М. Основные тенденции развития наказания в виде лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12(1–4), № 2. С. 186–191.
2. Скиба А. П. Исполнение наказания в лечебно-профилактических учреждениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. 28 с.
3. Горобцов В. И. Проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995. 305 с.

УДК 343.8

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.035-038

ЛЮДМИЛА ЕВГЕНЬЕВНА ПРИХОЖАЯ,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ludka26rus@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗДЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Для цитирования

Прихожая, Л. Е. Проблемы раздельного содержания отдельных категорий лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы / Л. Е. Прихожая // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 35–38. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.035-038.

Аннотация. В статье затрагиваются проблемы содержания лиц, отбывающих уголовные наказания за преступления, совершенные по неосторожности, и лиц, совершивших преступление умышленно. В результате проведенного исследования установлено, что осужденные за неосторожные преступления должны во всех случаях содержаться отдельно от тех, кто совершил преступление умышленно, независимо от степени тяжести совершенного деяния, так как разница между такими видами преступлений огромная, прежде всего в их психологическом характере. Рассматриваются вопросы раздельного содержания лиц в местах лишения свободы на основе классификации осужденных в зависимости от наличия или отсутствия судимости. Лицо, ранее отбывавшее наказание в местах лишения свободы и уже имеющее криминальный опыт, не перестает оказывать криминальное воздействие на других осужденных, поэтому лица, осужденные впервые к лишению свободы, должны содержаться отдельно от тех, кто уже ранее отбывал наказание реально, при этом не имеет значения, снята или погашена их судимость.

Ключевые слова: раздельное содержание осужденных, рецидивная преступность, неосторожные преступления, судимость.

Уголовно-исполнительная система России с 2010 г. находится в стадии своего реформирования, основные цели которого определены Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция развития УИС до 2020 г.). В ней также закреплены основные направления совершенствования уголовной и уголовно-исполнительной политики, где одним из них

© Прихожая Л. Е., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

является дифференциация содержания осужденных в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, поведения во время отбывания наказания, криминального опыта.

Численность осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях (ИУ), несмотря на разнообразие видов наказания без изоляции от общества, остается на прежнем уровне. Так, на январь 2014 г. в исправительных учреждениях содержалось 677 200 чел., на январь 2015 г. – 671 700, на январь 2016 г. – 651 800, на май 2017 г. – 622 079, на 1 октября 2018 г. – 575 686 чел. [1].

В расчете на 100 тыс. населения в России приходится свыше 460 заключенных. Это второе место среди стран с достаточно высоким уровнем развития экономики.

Наказание в виде лишения свободы на определенный срок остается одним из самых применяемых в Российской Федерации, составляя ежегодно около 30 %: 2013 г. – 31,2 %, 2014 – 28,9, 2015 – 28,7, 2016 – 32, 2017 г. – 29 %. При этом снижается процент условно осужденных к лишению свободы: 2013 г. – 34,2 %, 2014 – 29,9, 2015 – 27,2, 2016 – 28,9, 2017 г. – 26,6 % [2].

Уровень рецидивной преступности среди ранее осужденных лиц продолжает расти. Ранее количество лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, за совершение преступления впервые, превышало число лиц, отбывающих наказание три и более раз. На сегодняшний день уже около 45 % всех обвинительных приговоров выносятся в отношении ранее судимых лиц (рис. 1).

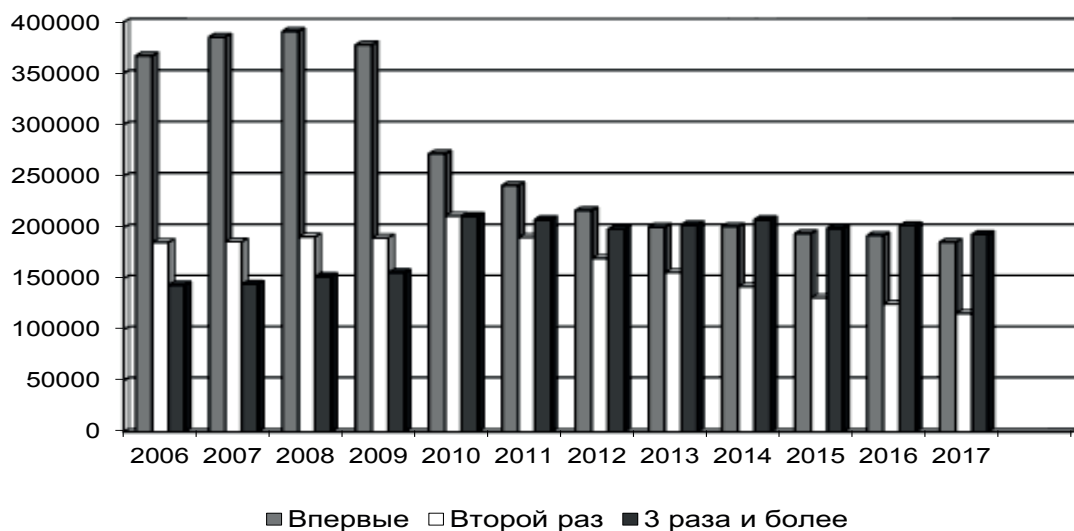

Рис. 1. Характеристика осужденных к лишению свободы

Следовательно, можно сделать вывод о том, что преодоление угрозы сплочения криминально ориентированных осужденных в местах лишения свободы, действий, подрывающих безопасность исправительных учреждений, не обеспечивается в полной мере и требует пристального внимания.

Сотрудникам исправительных учреждений необходимо создавать условия для беспрекословного соблюдения режима в местах лишения свободы, а это возможно только при условии правильной классификации лиц, совершивших преступления. Классифи-

кация осужденных позволяет распределить всю массу осужденных к лишению свободы на однородные критерии в целях их раздельного содержания для создания благоприятных условий отбывания наказания [3, с. 23–24].

Раздельное содержание, на наш взгляд, является следствием классификации, но имеет иное назначение – в максимально возможных пределах исключить влияние наиболее опасной, отрицательной части осужденных на других лиц, отбывающих наказание, прежде всего на несовершеннолетних, впервые судимых и других для защиты их как наиболее уязвимых категорий лиц [4, с. 244].

В настоящее время в связи с активизацией государственных мер по борьбе с преступностью в местах лишения свободы концентрируются опасные категории осужденных, в том числе криминальные авторитеты, которые способны дезорганизовать всю деятельность исправительных учреждений, тем самым нарушив безопасность УИС, личную безопасность не только сотрудников, но и самих осужденных.

Раздельное содержание осужденных по законодательству России многоступенчато, оно имеет несколько уровней, для каждого из которых есть свое основание, свой принцип деления. Первичное разделение осужденных (первый этап) предусмотрен нормами уголовного законодательства (ст. 58 УК РФ), его осуществляет суд, определяя осужденным в приговоре не только срок наказания, но и вид исправительного учреждения. Однако при назначении вида ИУ суд руководствуется требованиями ст. 58 и ч. 6 ст. 88 УК РФ, которые определяют категории лиц и предназначенный им вид режима ИУ. На это обратил внимание Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений», указав, что закон исключает возможность назначения того или иного вида ИУ по усмотрению суда. Однако из указанного правила есть исключения, особенно касающиеся определения вида ИУ осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, и осужденным к лишению свободы за совершение умышленного преступления небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы: с учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновного суд может назначить им вместо колонии-поселения отбывание наказания в колониях общего режима с указанием мотивов принятого решения (п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ).

На наш взгляд, осужденные за неосторожные преступления должны во всех случаях содержаться отдельно от тех, кто совершил преступление умышленно, независимо от степени тяжести совершенного деяния, так как разница между такими видами преступлений огромная, прежде всего в психологическом характере этих преступлений.

Так, психология лица, осознанно совершившего преступление, существенно отличается от мышления лиц, допустивших наступление общественно опасных последствий по своей непредусмотрительности. Лица, совершившие преступления по неосторожности, хотя и виновны в том, что могли и не предотвратили, но при этом целенаправленно к преступлению не шли. Заключение же, совершившие умышленно преступление, могут оказывать на тех, кто целенаправленно этого не делал, негативное влияние, тем самым создавая предпосылки для совершения нового преступления, но уже осознанного и умышленного.

Следующей проблемой раздельного содержания лиц в местах лишения свободы является классификация осужденных в зависимости от наличия или отсутствия судимости. В пп. «в», «г», «д» ст. 86 УК РФ предусмотрены случаи погашения судимости, при этом если осужденный после отбытия наказания вел себя безупречно, а также возме-

стил вред, причиненный преступлением, то по его ходатайству суд может снять с него судимость до истечения срока погашения судимости.

Рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Следовательно, лицо, совершившее преступление после истечения сроков погашения судимости, является лицом, впервые совершившим преступление, а значит, и содержится в местах лишения свободы с лицами, не имеющими судимости. Однако лицо, ранее отбывавшее наказание в местах лишения свободы и уже имеющее криминальный опыт, не перестает оказывать криминальное воздействие на других осужденных вне зависимости от того, была ли погашена или снята судимость. Первое место в этом случае должна занимать не кара, а исправительное воздействие, поэтому лица, осужденные впервые к лишению свободы, должны содержаться отдельно от тех, кто уже ранее отбывал это наказание реально, независимо от того, снята или погашена судимость.

Таким образом, раздельное содержание осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях призвано эффективно оказывать исправительное воздействие и предусматривать различные условия отбывания наказания в целях недопущения криминальных связей, заражения тюремной субкультурой тех лиц, которые совершили преступление по неосторожности, и лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы впервые.

Библиографический список

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // ФСИН России: официальный сайт. URL : <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (дата обращения: 28.10.2018).
2. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2017 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 27.10.2018).
3. Советское исправительно-трудовое право / под ред. Н. А. Стручкова. М., 1983. 352 с.
4. Южанин В. Е., Горбань Д. В. Режим и меры предупреждения правонарушений среди осужденных в системе исполнения наказания в виде лишения свободы : монография. М., 2018. 496 с.

УДК 343.819.1

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.039-042

РЕНАТ ЗИНУРОВИЧ УСЕЕВ,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе,

Самарский юридический институт ФСИН России,

г. Самара, Российская Федерация,

e-mail: useev@rambler.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ МЕРЫ ВЗЫСКАНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕЩЕНИЯ ВЫХОДА ОСУЖДЕННЫМ ЗА ПРЕДЕЛЫ ОБЩЕЖИТИЯ В СВОБОДНОЕ ОТ РАБОТЫ ВРЕМЯ НА СРОК ДО 30 ДНЕЙ В КОЛОНИЯХ-ПОСЕЛЕНИЯХ

Для цитирования

Усеев, Р. З. Некоторые проблемы исполнения меры взыскания в виде запрещения выхода осужденным за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30 дней в колониях-поселениях / Р. З. Усеев // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 39–42. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.039-042.

Аннотация. Система мер принуждения, применяемая к осужденным к лишению свободы в условиях исправительных учреждений, предусматривает целый спектр мер взысканий. Среди них есть мера взыскания в виде запрещения выхода за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30 дней в отношении осужденных колонии-поселения. Как показывает практика, этот вид взыскания применяется нечасто. Официальная статистика Федеральной службы исполнения наказаний вовсе не учитывает правоприменительную практику этого вида взыскания. Однако реализация данного вида взыскания в колониях-поселениях показывает, что существуют определенные правовые и организационные проблемы. Отсутствие конкретной, в том числе подзаконной, правовой основы исполнения рассматриваемого вида взыскания ведет к организационным казусам в правоприменительной практике и, как следствие, вынесению соответствующих актов прокурорского реагирования. Так, в отдельных колониях-поселениях исполнение данной меры взыскания оказалось в некоторой мере тождественным содержанию осужденных в запираемых помещениях исправительных колоний общего и строгого режимов. На основе анализа правовой основы и практики исполнения меры взыскания в виде запрещения выхода за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30 дней в отношении осужденных колонии-поселения предлагается ряд правовых и организационных путей решения в сложившейся ситуации.

© Усеев Р. З., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: меры взыскания, колония-поселение, осужденный, право свободного передвижения, общежитие, нарушение режима, злостное нарушение режима.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) в числе прочих мер взыскания, установленных ст. 115, предусматривает две обособленных меры, которые применимы исключительно к осужденным к лишению свободы, отбывающим наказание в колониях-поселениях. Одна из этих мер именуется как «запрещение выхода за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30 дней» (далее – мера взыскания).

Анализ УИК РФ и подзаконных нормативно-правовых актов показывает, что механизм реализации меры взыскания в уголовно-исполнительном законодательстве на сегодняшний день не предусмотрен. Это стало проблемой для практики исполнения указанной меры принуждения, в частности, летом 2018 г. в УФСИН России по Пензенской области, на территории которого размещается колония-поселение № 12 (далее – КП-12).

В данном учреждении сложилась следующая практика: администрация КП-12, имея возможность содержания осужденных в разных общежитиях, разместила в одном из общежитий осужденных, отбывающих указанную меру взыскания и являющихся злостными нарушителями порядка отбывания наказания, в отношении которых материалы направлены в суд для решения вопроса об изменении им вида исправительного учреждения (ИУ). Данная мера являлась превентивной, поскольку администрация имела ограниченные возможности по предотвращению осужденными побегов. Архитектурно данное общежитие было огорожено изолированным участком, калитка которого постоянно находилась в запортом положении. В связи с этим имеют факты вынесения прокуратурой по надзору за соблюдением законности в ИУ протестов на постановления начальника учреждения о применении к осужденным меры взыскания (см.: информационное письмо УФСИН России по Пензенской области от 6 июля 2018 г. № исх-59/ТО/5-7443). Таким образом, место содержания осужденных колонии-поселения фактически стало аналогом запираемого помещения исправительной колонии общего или строгого режима, где осужденные содержатся в строгих условиях отбывания наказания.

Пробел регулирования данной меры взыскания, а также проблем в ее правоприменении заставляет автора выработать следующие позиции по указанному вопросу.

Федеральным законом от 22 декабря 2008 г. № 271-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» законодатель внес в ч. 5 ст. 129 УИК РФ дополнения, согласно которым осужденным, отбывающим указанную меру взыскания, предоставляется право на ежедневную прогулку продолжительностью не менее двух часов. В пояснительной записке к проекту федерального закона законодатель указал, что предоставление указанной категории осужденных права на прогулку предусматривается в целях дальнейшей гуманизации уголовно-исполнительного законодательства РФ.

Поскольку в п. «а» ч. 1 ст. 129 УИК РФ закреплено, что осужденные колонии-поселения в часы от подъема до отбоя пользуются правом свободного передвижения в пределах колонии-поселения, то данная норма носит общий характер и имеет отношение ко всем категориям осужденных учреждения, кроме содержащихся в условиях камерной изоляции в штрафном изоляторе. Норма закона не предусматривает исключений для осужденных, отбывающих иные меры взыскания.

Таким образом, по совокупному смыслу п. «а» ч. 1 и ч. 5 ст. 129 УИК РФ осужденный, отбывающий меру взыскания, территориально имеет право на прогулку в пределах

(границах) всего учреждения, а не в пределах (границах) отдельных изолированных участков (мест, объектов) учреждения.

Наличие в колониях-поселениях общежитий и иных объектов, выгороженных ограждениями изолированных участков с возможностью временного или постоянного запираения (блокировки) калиток изолированных участков, противоречит положениям, определенным п. «а» ч. 1 ст. 129 УИК РФ, согласно которым осужденные в часы от подъема до отбоя (в том числе во время прогулок) пользуются правом свободного (беспрепятственного) передвижения в пределах территории учреждения, то есть калитки изолированных участков должны быть в незапертом (незаблокированном) положении. Кроме того, действующие подзаконные нормативно-правовые акты, регулирующие порядок и особенности оборудования объектов колоний-поселений (Инструкция по проектированию исправительных и специализированных учреждений уголовно-исполнительной системы Минюста России (СП 17-02 Минюста России), утвержденная приказом Минюста России от 2 июня 2003 г. № 130-дсп; Наставление по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы, утвержденное приказом Минюста России от 4 сентября 2006 г. № 279; Свод правил «Исправительные учреждения и центры уголовно-исполнительной системы. Правила проектирования. Часть I, II» (СП 308.1325800.2017), утвержденный приказом Минстроя России от 20 октября 2017 г. № 1454/пр), не предусматривают запираемых (блокируемых) на постоянной или временной основе калиток изолированных участков и дверей общежитий.

Представляется, что взыскание в виде запрещения выхода за пределы общежития колоний-поселений в свободное от работы время на срок до 30 дней по своему карательному потенциалу ошибочно отождествлять с реализацией мер взысканий при исполнении наказания в виде лишения свободы в исправительных колониях общего и строгого режимов. Именно в этих учреждениях создаются и функционируют запираемые помещения, в которых содержатся осужденные строгих условий отбывания наказания. Подобное тождество противоречит духу и характеру прогрессивной системы исполнения наказаний и различных условий в пределах одного вида наказания. В связи с этим запрет (недопущение) выхода осужденных колоний-поселений, отбывающих анализируемую меру взыскания, за пределы общежития не может сопровождаться созданием различных физических преград (дверей, калиток и т. д.) по принципу запираемых помещений, обеспечивающих изоляцию осужденных, в исправительных колониях общего и строгого режимов.

Очевидно, что в колониях-поселениях запретительный характер выхода осужденных, отбывающих меру взыскания, за пределы общежития должен сопровождаться не физическими барьерами (препятствиями), а упреждающим предписанием с требованием к осужденным о недопущении (запрете) самовольного выхода за пределы общежития под угрозой наступления новой дисциплинарной ответственности.

В настоящий момент схожие институты, определяющие порядок реализации запретов на выход осужденных (подозреваемых, обвиняемых) из мест постоянного проживания (пребывания), в законодательстве РФ предусмотрены. Так, по тождественным принципам исполняется наказание в виде ограничения свободы (ст. 50, 58 УИК РФ), а также меры пресечения в виде домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ) и запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ).

Полагаем, что содержание осужденных, отбывающих указанную меру взыскания, в отдельном общежитии не противоречит нормам УИК РФ, а, наоборот, обеспечивает

исполнение меры взыскания, как элемент предупреждения преступлений и правонарушений делает безопасным функционирование учреждения, деятельность персонала и отбывание наказания самими осужденными [1, с. 102]. Компактность проживания однотипной категории осужденных делает удобным осуществление за ними постоянного контроля и надзора со стороны администрации учреждения.

Каков механизм реализации исполнения данной меры взыскания? Он видится следующим:

1. На уровне правового регулирования очевидно, что Правила внутреннего распорядка ИУ, утвержденные приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295, должны быть дополнены разделом XXIV.1 «Особенности исполнения взыскания в виде запрещения выхода за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30 дней в колониях-поселениях».

2. После вынесения взыскания осужденным (в процессе работы дисциплинарной комиссии при начальнике учреждения) уведомить их в письменном виде под роспись о недопустимости выхода без разрешения администрации колонии-поселения за пределы (границы) общежития в свободное от работы время, кроме времени, отведенного на ежедневную прогулку.

3. В общежитии, где содержатся осужденные, отбывающие данный вид взыскания, с целью их ознакомления с порядком исполнения меры взыскания оборудовать (дооформить) места (стенды в коридорах), на которых схематично обозначить границы данного общежития в горизонтальной (крыша, пол) и вертикальной (стены, окна, двери) плоскости.

4. Поскольку общежития и калитки изолированных участков находятся (должны находиться) в незапертом (незаблокированном) состоянии предусмотреть:

– круглосуточный видеоконтроль мест входа и выхода в общежитие (изолированный участок), а также внешних границ общежития (стен, окон, крыши и т. д.) с возможностью вывода видеоизображения в дежурную часть (оператору поста видеоконтроля) для последующей фиксации несанкционированного выхода осужденных за пределы общежитий и документирования их противоправных действий;

– систему контроля (турникеты, триподы, считыватели), но не управления доступом, обеспечивающую только регистрацию выхода / входа осужденных из общежитий (с учетом финансово-экономических возможностей учреждения, территориального органа ФСИН России).

5. В случае нарушения осужденным запрета выхода за пределы (границы) общежития (кроме времени, отведенного на прогулку) составить рапорт о выявленном нарушении установленного порядка отбывания наказания (п. 16 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений) с возможностью как последующего назначения новой, более строгой меры взыскания – водворения в штрафной изолятор, так и перспективного изменения вида исправительного учреждения в порядке пп. «а», «б» ч. 4 ст. 78 УИК РФ.

Представляется, что предлагаемые правовые и организационные меры в определенной степени могли бы помочь применению рассматриваемого вида взыскания в современных колониях-поселениях ФСИН России.

Библиографический список

1. Скиба А. П. Применение мер безопасности в контексте исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 1. С. 100–105.

УДК 343.843

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.043-047

РЕНАТА АНДРЕЕВНА ДАДАШЕВА,

преподаватель кафедры административного и финансового права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0002-8154-563X,
e-mail: shiv-r@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ПРИМЕНЯЛИСЬ ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Для цитирования

Дадашева, Р. А. Теоретические аспекты административного надзора за лицами, в отношении которых применялись принудительные меры медицинского характера / Р. А. Дадашева // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 43–47. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.043-047.

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические проблемы реализации административного надзора правоохранительных и иных органов за лицами, в отношении которых применялись принудительные меры медицинского характера наряду или вместо исполнения уголовного наказания. Отмечается, что установление административного надзора возможно только за строго ограниченным кругом субъектов с аномалиями психики, которым назначались принудительные меры медицинского характера. В частности, Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» прямо предусматривает возможность установления административного надзора только за лицами с такой аномалией психики, как расстройство сексуального предпочтения в форме педофилии, не исключающее вменяемости. Анализ норм данного Федерального закона показывает, что косвенно в число поднадзорных могут входить лица, страдающие не только педофилией, но и иными психическими заболеваниями в рамках вменяемости. При этом полностью отсутствует возможность установления административного надзора за лицами, имеющими расстройства психики, исключающие вменяемость, которым принудительные меры медицинского характера были назначены вместо исполнения уголовного наказания. Это, в свою очередь, обусловлено тем, что с точки зрения действующего законодательства лицо, признанное судом невменяемым, не является субъектом преступления. Однако нельзя отрицать факт того, что оно определенным образом связано с преступностью и представляет опасность

© Дадашева Р. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

для общества. Таким образом, весьма нецелесообразно оставлять без должного надзора со стороны правоохранительных органов индивидов, признанных вступившим в законную силу приговором суда невменяемыми и прошедших курс принудительного лечения в психиатрическом стационаре. Административный надзор, как возможный способ воздействия государства в рамках административных правоотношений на лиц с расстройствами психики, как исключаящими, так и не исключаящими вменяемости, поможет снизить уровень их потенциальной опасности для общества, что свидетельствует о полезности его закрепления в административном праве. Определяется функциональная роль органов внутренних дел и учреждений здравоохранения в осуществлении административного надзора за лицами, в отношении которых применялись принудительные меры медицинского характера, выявляются проблемы взаимодействия данных органов и учреждений на современном этапе. Предлагается внести изменения в действующее законодательство в части установления административного надзора за лицами, в отношении которых применялись принудительные меры медицинского характера.

Ключевые слова: административный надзор, принудительные меры медицинского характера, профилактика правонарушений, невменяемость, вменяемость.

Под административным надзором за лицами, в отношении которых применялись принудительные меры медицинского характера, понимается осуществляемое правоохранительными органами наблюдение за соблюдением лицами, прошедшими курс принудительного лечения психиатрических заболеваний и расстройств, временных ограничений их прав и свобод, установленных вступившим в законную силу решением суда, а также за выполнением ими специальных законодательно предусмотренных обязанностей. Перечень данных ограничений и обязанностей установлен Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ).

Исходя из содержания ст. 2 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ перед административным надзором ставятся профилактические задачи по предупреждению совершения преступлений и иных правонарушений лицами, указанными в ст. 3 данного Закона, и организации с этой категорией лиц необходимой индивидуально-воспитательной работы в целях защиты интересов общества и государства. Однако по причине того, что принудительные меры медицинского характера применяются к индивидам, как страдающим психическими расстройствами, исключаящими вменяемость, так и имеющим аномалии психики, не выходящие за рамки вменяемости, а административный надзор устанавливается только за вменяемыми лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, оказание профилактического воздействия в рамках административного надзора на сегодняшний день возможно по отношению к строго ограниченному кругу субъектов, которым назначались принудительные медицинские меры. Анализ норм Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ и Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) позволяет сделать вывод о том, что установление административного надзора прямо предусмотрено только в отношении тех лиц, подвергавшихся принудительным мерам медицинского характера, которые соответствуют следующим критериям:

1) наличие расстройства сексуального предпочтения в форме педофилии, не исключаящего вменяемости и спровоцировавшего фактическую реализацию преступления;

2) совершение полового преступления в отношении ребенка пубертатного возраста, а именно младше четырнадцати лет;

3) достижение возраста восемнадцати лет на момент совершения преступления.

Несоответствие хотя бы одному из приведенных выше критериев исключает возможность «прямого» применения к лицам рассматриваемой категории мер профилактического воздействия в рамках административного надзора. Несмотря на это, существует косвенная возможность установления административного надзора и за иными индивидами, в отношении которых принудительные меры медицинского характера применялись наряду с исполнением уголовного наказания в виде лишения свободы. Так, в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ административный надзор устанавливается судом в отношении совершеннолетнего лица, освобожденного или освобождаемого из мест лишения свободы и имеющего неснятую или непогашенную судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления или преступления при рецидиве преступлений, если в период отбывания наказания в местах лишения свободы оно признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. В научной литературе по юриспруденции и психиатрии справедливо отмечается, что лица, страдающие психическими расстройствами, проявляют особую склонность к девиантному поведению и повторному совершению противоправных деяний, обусловленную преобладанием психопатологических и социально-психологических мотиваций. Около 65 % тяжких и особо тяжких преступлений совершается индивидами с аномалиями психики, не исключаящими вменяемости (олигофренией, психастенией и пр.), но лишь к немногим из них применяются принудительные медицинские меры.

Таким образом, в число поднадзорных могут входить лица, страдающие не только расстройством сексуального предпочтения (педофилией), но и иными психическими заболеваниями, не выходящими за рамки вменяемости.

С учетом вышеизложенного предлагаем дополнить ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ частью 2.2: «Административный надзор устанавливается судом независимо от наличия оснований, предусмотренных частью 3 настоящей статьи, в отношении совершеннолетнего лица, страдающего расстройством психики, не исключаящим вменяемости, помимо случая, предусмотренного частью 2.1 настоящей статьи, и в отношении которого определением суда прекращено применение принудительных мер медицинского характера. Порядок установления и прекращения административного надзора в отношении указанного лица осуществляется в соответствии с федеральным законом».

Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ полностью исключает возможность установления административного надзора за лицами, освобожденными от уголовной ответственности ввиду их невменяемости и прошедшими курс принудительного лечения в медицинской организации (учреждении), оказывающей психиатрическую помощь. Это, в свою очередь, обусловлено тем, что с точки зрения действующего законодательства лицо, признанное судом невменяемым, не является субъектом преступления. Однако нельзя отрицать факт того, что оно определенным образом связано с преступностью и представляет опасность для общества. Например, в отдельных субъектах Российской Федерации, в том числе и в Рязанской области, из числа лиц, признанных судом невменяемыми, более 60 % составляют больные шизофренией [1, с. 57].

Следовательно, на сегодняшний день фактически отсутствует надзор со стороны правоохранительных и иных компетентных органов за лицами с аномалиями психики, исключаящими вменяемость, и к которым принудительные медицинские меры применялись вместо уголовного наказания.

В соответствии с ч. 4 ст. 102 УК РФ по окончании принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, суд может передать необходимые материалы в органы здравоохранения для решения вопроса о дальнейшем наблюдении и лечении этого лица на общих основаниях в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, или его направлении в специализированное стационарное учреждение социального обслуживания в порядке, установленном законодательством в сфере охраны здоровья. После отмены принудительных мер медицинского характера также может быть принято решение о передаче такого лица на попечение родственников (законных представителей) при обязательном наблюдении в психоневрологическом диспансере. Однако в случае уклонения такого индивида от явки по вызову в психоневрологический диспансер или при необходимости его принудительной госпитализации возникает ряд трудностей.

Основные вопросы сотрудничества органов внутренних дел и учреждений здравоохранения по предупреждению общественно опасных действий лиц с аномалиями психики определены в совместном приказе Министерства здравоохранения Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 30 апреля 1997 г. № 133/269 «О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами» (далее – приказ от 30 апреля 1997 г.). С одной стороны, приказ от 30 апреля 1997 г. предусматривает обязанность органа внутренних дел, на территории обслуживания которого находится психически больной, оказывать работникам психиатрической службы содействие в принудительной госпитализации лица, страдающего расстройством психики и представляющего непосредственную опасность для себя или окружающих, при наличии оснований полагать, что он или его родственники окажут сопротивление. Такая госпитализация, в соответствии со ст. 29 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», может быть осуществлена по решению врача-психиатра до вынесения и вступления в законную силу постановления судьи. С другой стороны, нормы Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ) предусматривают содействие сотрудников органов внутренних дел обозначенным медицинским работникам, как правило, только при наличии соответствующего судебного решения. Ряд исключений обусловлен нормами ч. 2 ст. 14 данного нормативно-правового акта.

Полиция имеет право задержать лицо, в отношении которого были отменены принудительные меры медицинского характера и которое:

1) предприняло попытку самоубийства либо имеет признаки выраженного психического расстройства и создает своими действиями опасность для себя и окружающих, – до передачи их в лечебные учреждения либо по месту жительства;

2) совершило побег из психиатрического лечебного учреждения или скрывается от назначенной судом недобровольной госпитализации в такое учреждение, – до передачи их в психиатрическое лечебное учреждение.

Перечисленные положения ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ не обязывают сотрудников полиции обеспечивать медицинским работникам безопасные условия для доступа к указанным лицам и их осмотра. Данная обязанность,

в соответствии с п. 35 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, возникает у сотрудников полиции лишь при наличии вступившего в законную силу решения суда о недобровольной госпитализации лица в медицинскую организацию и пр.

На практике подобные коллизии норм права нередко приводят к тому, что органы внутренних дел вполне правомерно отказывают работникам психоневрологического диспансера и скорой психиатрической помощи в оказании необходимого содействия в принудительной госпитализации индивида, страдающего расстройством психики, до момента получения соответствующего решения суда.

Таким образом, в современных реалиях деятельность по профилактике предупреждения противоправных общественно опасных деяний лицами, в отношении которых применялись принудительные меры медицинского характера, остается неурегулированной. Отсутствует как достаточная законодательная база, так и практические наработки, в том числе в части организации взаимодействия между органами внутренних дел и учреждениями здравоохранения в указанной сфере. Более того, именно на учреждения здравоохранения возложена вся основная работа, включая согласование с органами внутренних дел совместных мероприятий по выявлению лиц, страдающих расстройством психики и проявляющих асоциальные тенденции поведения, предупреждению с их стороны преступных посягательств, оказанию им правовой и социально-медицинской помощи и т. д.

По нашему мнению, в целях устранения пробела и противоречий в законодательстве было бы целесообразно внести соответствующие поправки в действующие законы и подзаконные нормативные акты, а также разработать и принять ряд новых нормативно-правовых актов в рассматриваемой сфере, в том числе федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, в отношении которых применялись принудительные меры медицинского характера».

Библиографический список

1. Волкова Т. Н., Михайлова А. В. К вопросу о криминальном поведении лиц, имеющих психические расстройства, исключающие вменяемость // Прикладная юридическая психология. 2008. № 2. С. 56–63.

УДК 343.843

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.048-052

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА РЫКУНОВА,

начальник кафедры организации исполнения наказаний,

Санкт-Петербургский институт повышения квалификации работников ФСИН России,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,

e-mail: soninaoa@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ УСТАНОВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННОГО, ПРИЗНАННОГО ЗЛОСТНЫМ НАРУШИТЕЛЕМ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Для цитирования

Рыкунова, О. А. О некоторых аспектах установления административного надзора в отношении осужденного, признанного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания / О. А. Рыкунова // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 48–52. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.048-052.

Аннотация. В статье анализируются вопросы, возникающие при установлении административного надзора в отношении осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания. Предмет исследования – совокупность норм уголовно-исполнительного права, регулирующих общественные отношения, связанные с установлением административного надзора в отношении осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания. Проводится сравнительно-правовой анализ нормативных правовых актов, детализирующих административный надзор в отношении осужденных в России и Республике Беларусь. Рассматривается вопрос о едином подходе к пониманию злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания. Делается вывод о том, что изменение в законе формулировки «устанавливается» на «может быть установлен» в отношении осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, позволит рационально использовать ресурсы правоохранительной системы при выполнении надзорных функций за лицами, освободившимися из мест лишения свободы. Судебное рассмотрение искового заявления об установлении административного надзора будет способствовать более полному учету всех обстоятельств и принятию обоснованного и справедливого решения в отношении конкретного осужденного.

© Рыкунова О. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: осужденный, злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания, административный надзор.

Принципы уголовно-исполнительного законодательства изложены в ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ). Среди прочих законодатель выделяет такие из них, как дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний, рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения.

Весь процесс отбывания наказания в виде лишения свободы построен таким образом, чтобы осужденный на основе своих внутренних убеждений и поведения в местах лишения свободы определял вектор своего дальнейшего развития. Государство в лице судебных инстанций, учреждений уголовно-исполнительной системы предоставляет ему такую возможность. Так, в зависимости от поведения осужденный может быть переведен из колонии строгого либо общего режима в колонию-поселение или, напротив, из колонии-поселения в колонию общего режима либо из колонии строгого режима в тюрьму. Одним из основных институтов уголовно-исполнительного права, существенно влияющих на ухудшение условий пребывания осужденного, усиление надзора и контроля за ним, является признание лица злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Кроме того, согласно действующему законодательству факт признания лица злостным нарушителем влечет в отношении специально указанных в Законе категорий осужденных установление административного надзора, то есть постпенитенциарного контроля, выходящего за пределы срока отбывания наказания, но в пределах срока судимости.

Основополагающее понятие административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, дано Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Закон).

Административный надзор – осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им возложенных обязанностей, предусмотренных Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Институт административного надзора, введенный в современной России в 2011 г., существовал в истории постпенитенциарного воздействия на освобожденных осужденных еще с 1966 г. Во времена Советского Союза административный надзор осуществлялся на основании Положения об административном надзоре, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5364-VI, в котором указывалось, что административный надзор устанавливается для наблюдения за поведением лиц, освобожденных из мест лишения свободы, предупреждения с их стороны преступлений и оказания на них необходимого воспитательного воздействия. Административный надзор не имеет целью унижение человеческого достоинства и компрометацию поднадзорного по месту его работы и жительства.

Административный надзор не является продолжением уголовного наказания, а служит мерой предотвращения совершения повторных преступлений ранее судимыми лицами путем систематического наблюдения за ними и оказания на них профилактического воздействия со стороны органов внутренних дел, а не органов исполнения наказания.

Основания, по которым может быть установлен административный надзор, можно подразделить на безусловные, то есть когда сам факт осуждения лица по указанным в Законе статьям Уголовного кодекса Российской Федерации является достаточным для установления административного надзора, и действующие – при условии признания осужденного в период отбывания наказания злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

При подготовке проекта федерального закона № 151934-4 «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (документ не был опубликован) разработчики в пояснительной записке указали, что условиями установления административного надзора являются либо поведение лица в период отбывания наказания в местах лишения свободы, свидетельствующее о его нежелании встать на путь исправления, либо систематическое совершение им после отбытия наказания административных правонарушений против порядка управления и (или) посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, то есть представляющих наибольшую угрозу для общества. Однако в тексте Закона «поведение, свидетельствующее о нежелании осужденного встать на путь исправления» свелось только к факту признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, что, по нашему мнению, не в полной мере отражает возможные варианты поведения осужденного в течение всего срока отбывания наказания.

Вероятно, данная формулировка в Законе имела своей целью сокращение числа злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания.

Такие ученые, как М. П. Журавлев, А. И. Марцев, Л. А. Водолаз, Е. Е. Новиков, И. Б. Казак, в своих работах пытались дать определение нарушению режима и классифицировать данные проступки. Однако на сегодняшний день в научной литературе не существует единого подхода к пониманию злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания, также не дает точного определения и УИК РФ, ограничиваясь лишь перечнем таких нарушений, что, в свою очередь, не может не оказывать серьезного влияния на состояние дисциплинарной практики в исправительном учреждении [3, с. 31].

В рассматриваемом нами аспекте важное значение имеет не только то, какое нарушение допустил осужденный, но и его поведение после признания его злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. В настоящее время по действующему законодательству определяющее значение для установления административного надзора имеет факт признания лица злостным нарушителем, а последующее поведение может учитываться при выборе ограничений, налагаемых судом.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 22 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» отмечено, что при решении вопроса об установлении административного надзора за лицом, указанным в ч. 1 ст. 3 Федерального закона № 64-ФЗ, признанным в период отбывания наказания злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, необходимо учитывать, что п. 1 ч. 3 ст. 3 Закона связывает возможность установления административного надзора только с фактом признания лица злостным нарушителем порядка отбывания наказания независимо от времени принятия соответствующего постановления начальником исправительного учреждения. В связи с этим не имеет значения, считается ли лицо на время рассмотрения дела об административном надзоре имеющим дисциплинарное взыскание либо не имеющим его в соответствии с ч. 8 ст. 117 УИК РФ.

Однако в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 15, отменившем названное постановление, уже предпринята попытка расширить полномочия суда. Так, проверка законности и обоснованности постановления начальника исправительного учреждения о признании лица злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, послужившая основанием для обращения исправительного учреждения с заявлением об установлении административного надзора, не осуществляется судом в порядке гл. 29 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Вместе с тем факт признания административного ответчика злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания не предопределяет выводы суда о необходимости установления административного надзора.

При решении данного вопроса должны учитываться: вся совокупность доказательств, обстоятельства, положенные в основу постановления о признании лица злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, характер допущенных нарушений, последующее поведение лица в исправительном учреждении после признания его злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, срок, истекший с момента признания лица злостным нарушителем порядка отбывания наказания.

Таким образом, по нашему мнению, в своем постановлении Верховный Суд РФ ставит под сомнение легитимность принятия решений администрацией ИУ о признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания и возможность его игнорирования при вынесении решения об установлении административного надзора, хотя в Законе прямо и без оговорок указано, что «лицо в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания». Кроме того, если осужденный считает, что признание его злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания является незаконным, он имеет право обжаловать это решение в суде.

Если принимать за внимание, что тяжесть проступка, совершенного в период отбывания наказания, не соответствует тяжести последствий и ограничений, связанных с установлением административного надзора, либо со времени проступка прошло несколько лет и осужденный вел себя в этот период безупречно, то вероятно необходимо вносить изменения в закон, а не ограничиваться постановлением Пленума Верховного Суда РФ.

В этом отношении может быть интересен опыт Республики Беларусь. Так, в отличие от СССР и Российской Федерации правовая регламентация превентивного надзора содержится не в отдельных законодательных актах и уголовно-исполнительном законодательстве, а в Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах Республики Беларусь. Превентивный надзор устанавливается за лицами:

допустившими особо опасный рецидив преступлений;

достигшими восемнадцатилетнего возраста, судимыми за преступление, совершенное в составе организованной группы или преступной организации.

Превентивный надзор после освобождения из исправительного учреждения может быть установлен за лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, судимым за совершение тяжкого и или особо тяжкого преступления либо судимым два или более раза к наказанию в виде лишения свободы за любые умышленные преступления, если:

в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь на момент освобождения из исправительного учреждения оно признано злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания;

в пределах срока судимости оно более двух раз в течение года привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, за которые предусмотрено административное взыскание в виде административного ареста.

Превентивный надзор устанавливается за указанными в ч. 3, 4 ст. 80 Уголовного кодекса Республики Беларусь лицами для наблюдения за их поведением, предупреждения с их стороны преступлений и оказания на них необходимого профилактического воздействия.

Таким образом, формулировка «может быть установлен» в отношении осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, на наш взгляд, является более удачной по сравнению с формулировкой «устанавливается», так как позволит, с одной стороны, рационально использовать ресурсы правоохранительной системы при выполнении надзорных функций за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, а с другой стороны, поддержать стремление осужденного, например, оступившегося в начале многолетнего срока отбывания наказания, твердо встать на путь исправления, не подвергая его излишнему контролю и недоверию со стороны общества и государства. В то же время судебное рассмотрение административного искового заявления об установлении административного будет способствовать наиболее полному учету всех обстоятельств и принятию обоснованного и справедливого решения в отношении конкретного осужденного.

Библиографический список

1. Абатуров А. И. Административный надзор в системе постпенитенциарного сопровождения : монография. М., 2017. 288 с.
2. Антонов Т. Г. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : учеб. пособие. Екатеринбург, 2016. 48 с.
3. Ледовских А. В. Понятие и принципы дисциплинарной ответственности осужденных, отбывающих наказание в исправительной колонии // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы науч.-практ. конф. (28–29 окт. 2015 г.) / отв. ред. А. Г. Антонов. Новокузнецк, 2016. С. 31–32.

УДК 343.823(73)

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.053-056

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РОДИОНОВ,

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и менеджмента,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: a.v.rodionov@list.ru

ПРАКТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ТРУДУ В НЕКОТОРЫХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ (НА ПРИМЕРЕ ТЮРЕМНЫХ ФЕРМ И ТЮРЕМНЫХ ЛАГЕРЕЙ)

Для цитирования

Родионов, А. В. Практика привлечения осужденных к труду в некоторых пенитенциарных учреждениях Соединенных Штатов Америки (на примере тюремных ферм и тюремных лагерей) / А. В. Родионов // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 53–56. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.053-056.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей организации труда осужденных в таких пенитенциарных учреждениях Соединенных Штатов Америки, как тюремные фермы и тюремные лагеря. Изучены исторические предпосылки появления данных форм организации труда осужденных в исследуемых типах американских пенитенциарных учреждений. Проанализированы некоторые положения нормативных актов, регулирующих процессы функционирования исследуемых типов учреждений, а также судебная практика.

Ключевые слова: тюремная ферма, тюремный лагерь, осужденные, общественно полезный труд, Соединенные Штаты Америки.

Основными операторами частных тюрем в США являются Коррекционная корпорация Америки (Corrections Corporation of America) [1] и корпорация ГЕО (The GEO Group, Inc.) [2]. Отметим, что частные тюрьмы в США не входят в число федеральных учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС) и функционируют в качестве учреждений, входящих в УИС отдельных штатов.

Тюремная ферма – это значительное по численности осужденных и размерам учреждение УИС в США. Данный тип пенитенциарного учреждения в некоторых случаях функционирует в виде частной тюрьмы. В то же время в американской правоприменительной практике используются гибридные формы организации труда осужденных, сочетающие государственный режим (отбывание наказания) и частную предпринимательскую инициативу в качестве организационной основы создания рабочих мест для

© Родионов А. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

осужденных. В тюремных фермах труд осужденных направлен на извлечение экономических выгод администрациями учреждений. Основной сферой хозяйственной деятельности является сельское хозяйство, однако понятие «ферма» рассматривается в самом широком смысле. Как следствие, арестанты задействуются на многих производственных объектах.

Объединяющими характеристиками труда осужденных на тюремных фермах является то, что в подавляющем большинстве случаев он представляет собой ручной труд вне помещений (на открытом воздухе). Чаще всего это сельскохозяйственные работы, вырубка леса, работа в карьерах и горнорудной промышленности. Фактически тюремные фермы являются правопреемниками трудовых лагерей США начала XX в., и их можно определить в качестве более усовершенствованной версии учреждений, практиковавших систему надежности, подобную тюрьме Перчман в штате Миссисипи, однако уже без элементов самоконтроля [3].

Тюремные фермы имеют различные названия и создаются на базе отдельных мест лишения свободы (как следствие, они продолжают носить название тюрьмы, на базе которой ферма была создана) или в форме вновь созданного хозяйства, например Скотоводческое ранчо Фаркуара (Farquhar Cattle Ranch) имеет статус тюрьмы штата Алабама [4].

Сельскохозяйственная продукция, произведенная на тюремных фермах, как правило, используется в основном для продовольственного обеспечения лиц в пенитенциарных или социальных учреждениях (приюты, детские дома и т. д.), а также реализуется частным потребителям с целью получения денежных средств, направляемых в доход государства или частного подрядчика [5].

В ряде работ американских исследователей [6, 7] отмечается, что в тюремных фермах США активно применяется лизинговая система, которая, помимо трудоиспользования осужденных на государственных работах, предполагает передачу осужденных в найм частным работодателям. Последние чаще всего используют их для выполнения сельскохозяйственных работ и лесозаготовок. Оплата труда, как правило, производится со значительной скидкой по сравнению со ставками заработной платы вольнонаемного персонала для этих видов сельскохозяйственных работ в данном регионе.

Осужденные также могут быть сданы в аренду для несельскохозяйственных работ либо непосредственно государственным или частным предприятиям. Например, заключенные могут работать на производстве номерных знаков по контракту с Государственным департаментом автомобильного транспорта (United States Department of Transportation, DOT), в текстильной промышленности или выполнять работы с базами данных (обработка значительных массивов информации) для государственных и частных подрядчиков. Однако эти работы имеют временный характер.

В США на государственном уровне принята программа развития пенитенциарной системы, согласно которой до 2040 г. тюремные фермы должны полностью перекрыть все потребности американского тюремного ведомства в продуктах питания и существенно снизить бюджетные затраты. Подобная направленность в формировании продовольственных резервов для пенитенциарной системы определяется высокой стоимостью содержания осужденных в США. Стоимость суток содержания осужденного в местах лишения свободы в среднем варьировалась в 2010 г. от 53,35 долл. (штат Флорида) до 70 долл. (штат Южная Каролина). Содержание всех заключенных в США стоило налогоплательщикам в 2010 г. 106,68 млн долл. в день, при этом 29 % всех затрат уходило на питание. Ориентировочная экономия от развития тюремных ферм в направлении са-

мообеспечения оценивается в США в 1,7 млрд долл. в год. Помимо этого, учитывается также пищевая ценность продуктов питания, выращенных и произведенных на фермах в непосредственной близости от мест лишения свободы.

Производственная деятельность тюремных ферм и уровень качества их продукции оказывают позитивное влияние на здоровье осужденных, так как часто рацион питания осужденных в тюрьмах США является опасным для здоровья арестантов, что подтверждается в том числе и отдельными решениями Верховного суда США [8] (1978 г., дело Хутто против тюрьмы Финни, *case Hutto vs. Finney*).

Экономическая эффективность функционирования тюремных ферм определяется тем, что вложения в размере 3 млн долл. на покупку скота, техники и семян позволяют в течение двух лет выйти на самоокупаемость этой фермы. При этом питание контингента осужденных в пенитенциарном учреждении, рассчитанном на 300 мест, обходится в те же 3 млн долл. за два года. В качестве примера можно привести тюрьму Вотери Ривер в штате Южная Каролина (*Waterree River Correctional Institution, state South Carolina*), в которой обрабатывается 2,8 тыс. га сельскохозяйственных угодий, что позволяет сэкономить 400 тыс. долл. в год [9, 10].

Тюремные лагеря в США (учебные, исправительные и др.) – государственные учреждения, которые являются частью американской пенитенциарной системы. Модель этих учреждений была позаимствована у военных лагерей. Коррекционные программы в тюремных лагерях в США основаны на тюремном заключении и ударном труде осужденных.

Первые учебные лагеря (*boot camps*) появились в штатах Джорджия и Оклахома в 1983 г. Они были предназначены стать учреждениями с менее строгими условиями, чем тюрьмы, но с более жесткой мерой отбывания наказания по сравнению с условным сроком.

В большинстве штатов участие в программах учебных лагерей предлагается вместо тюремного или испытательного срока молодым преступникам, которые были осуждены впервые. В некоторых штатах несовершеннолетние юноши могут также быть приговорены к сроку в учебном лагере.

На основании изложенного нами были сформулированы следующие обобщающие выводы:

1. Следует учитывать позитивный опыт функционирования такого рода типов американских пенитенциарных учреждений, как тюремная ферма и тюремный лагерь. Организация труда осужденных с учетом их личности и с привлечением частных производственных подрядчиков в ходе реализации процедур государственно-частного партнерства – опыт, который следует оценивать как положительный с точки зрения повышения уровня самообеспечения (продовольственного и вещевого) пенитенциарных учреждений, а также уровня занятости осужденных в местах лишения свободы.

2. Несмотря на отсутствие значительной критики со стороны ряда общественных и международных (межгосударственных) правозащитных организаций, привлечение осужденных к труду в США в значительной мере нарушает целый ряд международных актов в сфере прав человека и обращения с осужденными. В частности, одна только передача осужденных в аренду частным подрядчикам – существенное нарушение норм международных актов. На наш взгляд, практика нарушения прав человека в пенитенциарных учреждениях стран, декларирующих высокие стандарты демократии и соблюдения прав человека, требует более внимательного изучения зарубежного опыта для борьбы с проявлениями такого рода в отечественных местах лишения свободы.

Библиографический список

1. The CCA Story: Our Company History n.d., viewed 20 February 2019, <http://www.cca.com/our-history>.
2. Historic Milestones n.d., viewed 20 February 2019, <http://www.geogroup.com/history>.
3. Seneca, Vaught 2006, Narrow Cells and lost keys: the impact of jails and prisons on black protest, 1940–1972: A Dissertation Submitted to the Graduate College of Bowling Green State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of PhD.
4. Alabama department of corrections. Farquhar Cattle Ranch n.d., viewed 20 February 2019, <http://web.archive.org/web/20100828124303/http://www.doc.state.al.us/facility.asp?id=8>.
5. Friedman, Lawrence Meir 1993, Crime and Punishment in American History, BasicBooks, New York.
6. Grant, Donald L. & Jonathan Grant 2001, The Way It Was in the South: The Black Experience in Georgia, University of Georgia Press, Athens, Georgia.
7. The New Abolitionists: (Neo)Slave Narratives and Contemporary Prison Writings 2005, SUNY Series, Philosophy and Race, State University of New York Press, Albany.
8. U.S. Supreme Court. Case Hutto v. Finney, 437 U.S. 678 (1978). No. 76-1660, viewed 20 February 2019, <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/437/678/case.html>.
9. How many Working Prison Farms exist in the U.S.? n.d., viewed 20 February 2019, <http://www.usprisonculture.com/blog/2010/08/01/how-many-working-prison-farms-exist-in-the-u-s/>.
10. Kyleen Breslin n.d., Farms on Prisons Will Reduce National Prison Budget, viewed 20 February 2019, <https://mic.com/articles/8869/farms-on-prisons-will-reduce-national-prison-budget#.LmbKgNydq>.

УДК 343.848:364.04(476)

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.057-062

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА АФОНЧЕНКО,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры права и экономических теорий,
Белорусский торгово-экономический университет
потребительской кооперации (БТЭУ),
г. Гомель, Республика Беларусь,
e-mail: atp76@mail.ru

РЕСОЦИАЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСТПЕНАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Для цитирования

Афонченко, Т. П. Ресоциализационный потенциал постпенального контроля в законодательстве Республики Беларусь / Т. П. Афонченко // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 57–62. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.057-062.

Аннотация. В контексте актуализации в мировой и национальной практике Республики Беларусь проблемы реформирования процесса социальной реабилитации осужденных, освобожденных от наказания, обращается внимание на потенциальную возможность усиления ресоциализационной составляющей таких мер постпенального уголовно-правового контроля, как профилактическое наблюдение и превентивный надзор. Данные меры применяются на основе режима судимости в соответствии с действующим Уголовным кодексом Республики Беларусь в отношении лиц, нуждающихся в дополнительном контролирующем воздействии со стороны государственно-общественных институтов (в нормативном порядке при профилактическом наблюдении либо на основе решения суда при установлении превентивного надзора).

Традиционно в научно-теоретическом понимании и практическом аспекте ресоциализация осужденных – это процесс, осуществляемый после их освобождения от отбывания наказания, как часть уголовно-исполнительной политики государства, направленной на оказание помощи лицам, претерпевшим состояние изоляции или эмоциональной отчужденности от общества и в связи с последним нуждающимся в психологической, материальной, организационной и другой поддержке после отбытия наказания. Необходимость преодоления неблагоприятных социально-психологических последствий пребывания в рамках воздействия уголовно-исполнительной системы на основе инновационных подходов логично выводит современную уголовно-правовую доктрину на новый концептуальный уровень, обусловленный смещением целевого вектора применения наказания

© Афонченко Т. П., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

с проблем исправления на решение задач менее болезненного и осознанного вхождения осужденных в общественно полезную деятельность, и в первую очередь после отбытия наказаний, связанных с длительной изоляцией от общества. Значительным потенциалом в рассматриваемой плоскости обладают применяемые на основе режима осуждения меры постпенального контроля. Одним из адекватных направлений подобного контроля является правовое регулирование на принципах системности постпенального поведения исследуемой категории лиц, обусловленного недостаточной эффективностью применяемых к ним мер уголовно-правового характера, качественным изменением общности осужденных, отсутствием комплексности в создании благоприятных условий для их адаптации в обществе. Указанное актуализирует построение на основе расширения статуса профилактических уголовно-правовых мер воздействия на осужденных замкнутого системного механизма ресоциализации лиц, подвергавшихся мерам уголовной ответственности.

Ключевые слова: осужденный, ресоциализация, социальная адаптация, постпенальный контроль, превентивный надзор, профилактическое наблюдение, изоляция от общества, освобождение от наказания.

Трансформировавшись из медицинской и психологической категории, в уголовно-правовом, уголовно-исполнительном и криминологическом смысле ресоциализация (социальная реабилитация) сформировалась как интегральное многокомпонентное понятие, объединяющее в себе комплекс государственно-правовых, организационно-практических мер по восстановлению утраченных (ослабленных) в результате осуждения воспринимаемых и поддерживаемых социальных связей, обусловленных системой мер, реализуемых в рамках возложенной уголовной ответственности.

В правовой науке и нормотворческой практике нет единого терминологического подхода к пониманию рассматриваемых терминов. Так, Т. Предов определяет понятие ресоциализации на пенитенциарном этапе как целенаправленную, управляемую, нравственно-психологическую подготовку осужденных к лишению свободы [1, с. 4]. М. И. Коваль полагает, что процессы ресоциализации и социальной адаптации различны по объему [2, с. 3–5], а С. В. Шатилов уточняет, что термин «социальная адаптация» шире термина «ресоциализация» [3, с. 122–125]. И. В. Шмаров указывает, что «...процесс социальной адаптации освобожденных необходимо трактовать значительно шире, чем только как процесс приспособления к новой социальной среде после отбытия наказания, восприятия социальных позиций и системы ценностной ориентации этой среды, освоения (в ряде случаев принудительно) социальных ролей и функций свободных граждан» [4, с. 20].

В. Б. Малинин, М. В. Малинина замечают, что одним из недостатков формулируемых дефиниций является «...возникновение чрезвычайно сложных конструкций, в которых все смешивается воедино» [5, с. 190]. Однако, на наш взгляд, подобное понимание вполне логично: многокомпонентное явление можно определить через соответствующую ему многоуровневую дефиницию. Проект закона Республики Беларусь «О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы», внесенный на рассмотрение Национального собрания Республики Беларусь в 2017 г., подчеркивая комплексный аспект, закрепляет, что социальная адаптация – это комплекс правовых, криминологических, социально-психологических, социально-экономических, социально-организационных, иных мероприятий,

направленных на интеграцию освобожденных лиц в общество и предупреждение рецидива преступлений.

Вопрос о социальной адаптации осужденных, отбывших наказание, в отечественной и международной практике обычно ставится и рассматривается, как правило, в отношении лиц, осужденных к наказаниям, связанным с изоляцией от общества. Именно в отношении данной социальной группы существуют серьезные проблемы реинтеграции, которые могут включать стигматизацию и остракизм со стороны семьи и общества и, как следствие, последующее негативное воздействие на их способность найти рабочие места или жилье, продолжить образование, приобрести или восстановить индивидуальный и социальный капитал. При отсутствии эффективной помощи в решении возникших проблем осужденные часто оказываются в цикле неудавшейся социальной интеграции и снова совершают преступления. Иными словами, значительное число осужденных не в состоянии в силу различных причин после отбытия наказания успешно интегрироваться в общество в качестве равного с другими субъекта социальной деятельности и склоняются в сторону ведения (продолжения) криминально-рискованного образа жизни.

Эта очевидная для многих государств проблема подвигла мировое сообщество к серьезному переосмыслению значимости лишения свободы как одной из самых жестких форм карательной реакции на преступление в контексте общей стратегии предупреждения рецидивной преступности. Во главу угла была поставлена принципиально новая цель работы пенитенциарной системы – возвращение осужденного в общество. В новой редакции Стандартных минимальных правил обращения с заключенными 2015 г. (Правил Нельсона Манделы) общая идея в предлагаемом формате выражена в следующей норме: «Цели лишения свободы или иных мер, связанных с ограничением свободы личности, – это, прежде всего, защита общества от преступных посягательств и сокращение рецидивной преступности. Эти цели могут быть достигнуты, только если срок лишения свободы используется для того, чтобы, по мере возможности, обеспечить реинтеграцию осужденных в общество после освобождения от отбывания наказания с тем, чтобы они могли вести законопослушную жизнь и самостоятельно обеспечивать себя».

Фактически международным сообществом было признано, что тюремная система не может далее существовать как автономная структура исключительно для кары и изоляции осужденных, которые, в свою очередь, должны восприниматься как неотъемлемая часть общества, находящаяся лишь во временной вынужденной изоляции. Это вполне достижимые и реализуемые в нашем обществе задачи. При этом ресоциализационно-исправительное воздействие должно охватывать весь период осуждения (судимости), то есть продолжаться как на стадии исполнения приговора в рамках исправительного учреждения, так и после освобождения лица от отбывания наказания при осуществлении за ним соответствующего вида постпенального контроля (профилактического наблюдения либо превентивного надзора). Сформированная в настоящее время в Республике Беларусь система мер уголовно-профилактического воздействия на освобожденного, определяемая нормативно при профилактическом наблюдении либо фиксируемая в решении суда об установлении превентивного надзора в виде комплекса обязанностей, запретов и ограничений, ставит лицо в достаточно строгие рамки контролируемого поведения. Учитывая, что несоблюдение либо невыполнение налагаемых требований влечет привлечение к ответственности (административной в случае невыполнения условий профилактического наблюдения, уголовной – в случае уклонения от превентивного надзора либо несоблюдения его требований), контроль за поведением освобожденного имеет достаточное организационно-правовое и властно-исполнительное

обеспечение. Однако в настоящее время данный контроль функционально ставит своей задачей лишь фиксацию актов поведения лица, но не корректирование его в контексте обеспечения надлежащих условий ресоциализации и применения адекватных мер воздействия. Причиной такого положения является отсутствие программного планирования, криминологического прогнозирования, а также профессионально организованной и подготовленной службы, которая обеспечивала бы систематическое профилактически-воспитательное воздействие на освобожденного из мест лишения свободы в период осуществления за ним мер постпенального контроля.

Сегодня большинство государств, признавая важность социальной реабилитации как фундаментального аспекта предупреждения преступности, выстраивает и развивает функцию реинтеграции преступника как часть системы уголовного правосудия [6, с. 48–52]. Как отмечает Г.-Г. Иешек, «само понимание к уголовному праву в значительно большей степени, чем раньше, проявляется не только как проблема правосудия, но и как социальная задача, выполнение которой должно оказать помощь в жизни человеку, осужденному за преступления» [7, с. 23]. Обеспечение более полной инклюзивности общественных и частных структур в процесс ресоциализации лица, в том числе на основе принципов государственно-частного партнерства, также оценивается как прогрессивное и перспективное направление [8, с. 23].

Республика Беларусь не является в указанном аспекте исключением в выстраивании такой уголовной политики. Национальная уголовно-правовая концепция находится в поиске наиболее эффективных и оптимальных механизмов реадaptации осужденного после освобождения от наказания. В настоящее время все настойчивее констатируется актуальность экономии средств уголовно-правового воздействия и на основе расширения проявления гуманизма в уголовно-правовой сфере совершенствования норм, поощряющих позитивное посткриминальное поведение личности [9, с. 259; 10, с. 5–15].

Длительное пребывание в местах изоляции от общества значительно обостряет проблемы возвращения к жизнедеятельности в условиях свободы, делая осужденных небезопасными для сообщества при освобождении их без соответствующей подготовки, наблюдения либо поддержки. Как справедливо отмечается И. Р. Веренчиковым, возможности уголовного наказания как регулятора человеческого поведения принципиально ограничены. Преступные проявления среди лиц, однажды наказанных за совершение преступления лишением свободы, намного выше, чем среди других групп населения. Как считает автор, этот общеизвестный факт сам по себе свидетельствует о том, что профилактика преступлений открывает куда более широкие возможности воздействия на уровень преступности в современном обществе, чем иные меры [11, с. 163]. Представляется, что успешная социальная адаптация лица потенциально обладает не меньшим позитивным эффектом. В. М. Хомич указывает на преобладающую роль ориентации исполнения наказания в виде лишения свободы не на исправление, а на ресоциализацию и / или дополнительную социализацию в формате свободного общества и установленного правопорядка [12, с. 89–90]. По мнению Ф. Р. Сундурова, идея ресоциализации осужденных фактически выступает в качестве одной из концептуальных основ не только уголовно-исполнительной, но и уголовной политики в целом, которая предполагает необходимость рассмотрения и оценки эффективности системы уголовно-правового воздействия с позиций их ресоциализационного эффекта [13, с. 560]. В условиях реализации стратегии постепенного свертывания уголовной репрессии в виде лишения свободы актуализируется необходимость расширения комплекса эффективных мер, альтернативных угрозе изоляции от общества.

По нашему мнению, подобное смещение акцентов лежит в плоскости реформирования мировоззренческих взглядов на положения юридической науки в целом и ее правоприменительной практики в различных сферах, в том числе в рамках отраслей уголовно-правового цикла в их взаимосвязи, с изучения государства и права, как таковых, на их изучение в контексте состояния человеческого общества и каждого из его членов как наивысшей ценности данного общества.

Эффективная позитивная корректировка постпенального поведения лица, освобожденного от отбывания наказания, являясь уникальным инструментом комплексного сочетания оказываемой поддержки различного характера (материальной, психологической, организационной, связанной с предоставлением возможности для самореализации) с режимно-ограничительными мерами, призвана оказывать определенный дисциплинирующий эффект, а также усиливать результат внутреннего самоконтроля средствами внешнего влияния со стороны общества и государства. Подобными мерами, позволяющими добиться определенной корреляции между принудительным и поощрительным воздействием на лицо, в уголовном законодательстве Республики Беларусь выступают превентивный надзор (ст. 80 УК РБ) и профилактическое наблюдение (ст. 81 УК РБ).

Согласно требованиям закона лицо обязано уведомлять уполномоченных сотрудников органов внутренних дел о перемене места работы и жительства, систематически являться для регистрации и выполнять ряд других обязанностей, которые по своей сути сводятся к режимно-ограничительному воздействию. Разумеется, эти и другие меры могут и должны способствовать укреплению социально полезных связей осужденного, ускорить его адаптацию в обществе, предостеречь от возобновления прежних нежелательных связей и окружения. Подобное утверждение подкрепляется и результатами ряда исследований социально-психологических механизмов уголовно-правового воздействия на лицо, согласно которым успех мотивации к самоисправлению, или превентивной мотивации, зависит от ряда факторов [14, с. 23–33; 15, с. 121–125], к которым, на наш взгляд, также следует отнести эффективность контрольно-корректирующей деятельности, осуществляемой в рамках превентивного надзора и профилактического наблюдения в постпенальный период. В то же время очевидна актуальность видоизменения комплекса имеющихся средств воздействия на осужденного, освобожденного от наказания, за счет расширения круга возлагаемых обязанностей путем включения в уголовный закон перечня мер так называемого исправительного воздействия: активное вовлечение в трудовую или образовательную деятельность, лечение хронического алкоголизма, наркомании, токсикомании, участие в обязательных реабилитационных программах по искусству, психологии, религии, оказанию помощи по линии социальной защиты (посещение хосписов, уход за престарелыми), курсы материнства, участие в различного рода медицинско-оздоровительных программах, в том числе пропагандистского характера.

Совершенствование государственной функции социальной адаптации осужденных, отбывших уголовное наказание, требует реформирования содержательных начал данной деятельности. При освобождении после отбывания уголовного наказания, и особенно из мест лишения свободы, осуществление постпенального контроля (превентивного надзора и профилактического наблюдения) за осужденным потенциально способно усилить ресоциализационную составляющую режима осуждения, который продолжается известное время после отбытия наказания, путем дополнения их мерами исправительного характера.

Библиографический список

1. Предов Т. Ресоциализация преступников-рецидивистов (криминологическое исследование по материалам Народной Республики Болгарии) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978. 24 с.
2. Коваль М. И. Социально-правовая адаптация лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995. 22 с.
3. Шатилов С. В. Освобождение несовершеннолетних из воспитательных колоний и их социальная адаптация : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 156 с.
4. Шмаров И. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания: проблемы социальной адаптации. М., 1974. 136 с.
5. Малинин В. Б., Малинина М. В. Понятие ресоциализации осужденных и применение ее к несовершеннолетним // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3(49). С. 189–203.
6. Introductory Handbook on the Recidivism and Social Reintegration of Offenders, 2012, United Nations, New York.
7. Иешек Г.-Г. Реформа германского уголовного законодательства // Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / под науч. ред. Д. А. Шестакова ; пер. с нем. Н. С. Рачковой. СПб., 2003. С. 11–96.
8. Скиба А. П., Белик В. Н. Государственно-частное партнерство в сфере исполнения лишения свободы: проблемные вопросы и некоторые направления развития // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики : материалы XI Российского конгресса уголовного права, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора В. С. Комиссарова (г. Москва, 31 мая – 1 июня 2018 г.). М., 2018. С. 556–559.
9. Хатеневич Т. Г. Тенденции современного правопонимания на примере экономии средств уголовно-правового воздействия и проявления гуманизма в уголовно-правовой сфере // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе : сб. науч. ст. / под ред. Д. В. Шаблинской. Минск, 2016. Вып. 2, посвященный 80-летию профессора Э. А. Саркисовой. С. 259–279.
10. Звечаровский И. Э. Уголовно-правовые нормы, поощряющие посткриминальное поведение личности. Иркутск, 1991. 160 с.
11. Веренчиков И. Р. Профилактическая деятельность следователя как элемент системы безопасности государства // Сохраняя прошлое, определяя настоящее, предвосхищая будущее : сб. науч. тр. Минск, 2014. С. 163–169.
12. Хомич В. М. Совершенствование уголовной ответственности невозможно без оптимизации системы видов наказания // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения: сб. науч. тр. Минск, 2010. С. 85–100.
13. Сундуров Ф. Р. Ресоциализационная функция уголовного закона и механизм ее реализации // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 250-летию образования МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2005. С. 560–562.
14. Ефремова Г. Х., Ратинов А. Р. Правосознание и преступное поведение // Правосознание и правовое воспитание осужденных : сб. науч. тр. М., 1982. С. 23–33.
15. Стрובה Г. В. Факторы повышения мотивации осужденных к самоисправлению // Концепт. 2014. № 6. С. 121–125. URL : <http://www.e-koncept.ru/2014/14161.htm>. (дата обращения: 08.01.2019).

УДК 343.81(574)

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.063-067

ЕСКАЛИ АМАНГЕЛЬДИНОВИЧ САЛАМАТОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека
в Республике Казахстан, г. Астана, Республика Казахстан,
e-mail: yeskali.salamatov@gmail.com

О НЫНЕШНИХ НАЗВАНИЯХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАЗАХСТАНА

Для цитирования

Саламатов, Е. А. О нынешних названиях пенитенциарных учреждений Казахстана / Е. А. Саламатов // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 63–67. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.063-067.

Аннотация. Статья посвящена вопросам уголовного и уголовно-исполнительного характера, связанным с деятельностью различных пенитенциарных учреждений Республики Казахстан. Объектом исследования выступили общественные отношения в сфере функционирования пенитенциарных учреждений Казахстана. Цель работы – анализ уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также правоприменительной практики Республики Казахстан в сравнении с законодательством других стран (в первую очередь с законодательством Соединенных Штатов Америки) в пенитенциарной сфере. Методологическую основу исследования составляют следующие методы: диалектический метод познания общественных явлений, различные общенаучные и частнонаучные методы, метод исторического анализа; сравнительно-правовой, конкретно-социологический, системно-структурный и формально-логический методы.

На основании проведенного анализа установлено, что в действующем законодательстве Республики Казахстан существует коллизия целого института – названий пенитенциарных учреждений. Если в Уголовном кодексе Республики Казахстан сохранились прежние названия: колонии общего, строгого, особого режимов, воспитательная колония и тюрьма, то в Уголовно-исполнительном кодексе Республики Казахстан были закреплены абсолютно новые названия – учреждения различного уровня безопасности. Данный диссонанс был устранен Законом Республики Казахстан от 18 апреля 2017 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного-исполнительного законодательства». Названия казахстанских пенитенциарных учреждений были позаимствованы из тюремной системы Соединенных Штатов Америки, анализу которой посвящен отдельный блок статьи. Автор приходит к выводу о том, что внесению любых новелл в уго-

© Саламатов Е. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ловно-исполнительное законодательство должна предшествовать их глубокая теоретическая проработка с позиции практической целесообразности, международного опыта и соответствия существующей тюремной инфраструктуре. В противном случае эти новеллы так и останутся бесполезными воплощениями не до конца продуманных идей.

Ключевые слова: пенитенциарные учреждения, Республика Казахстан, осужденные, уголовно-исполнительное законодательство, пенитенциарная система Соединенных Штатов Америки.

Действующие Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан (УК РК, УПК РК, УИК РК) вступили в силу с 1 января 2015 г. С их принятием в законодательстве возникла ранее не виданная по своим масштабам коллизия целого института – названий пенитенциарных учреждений. Если в УК РК сохранились прежние названия: колонии общего, строгого, особого режимов, воспитательная колония и тюрьма, то в УИК РК были закреплены абсолютно новые названия. Для удобства восприятия отобразим их в таблице:

УК РК	УИК РК
Колонии-поселения	Учреждения минимальной безопасности
Колонии общего режима	Учреждения средней безопасности
Воспитательные колонии	Учреждения средней безопасности Для содержания несовершеннолетних
Колонии строгого режима	Учреждения максимальной безопасности
Колонии особого режима	Учреждения чрезвычайной безопасности
Тюрьма	Учреждения полной безопасности
УПК РК	УИК РК
Следственные изоляторы	Учреждения смешанной безопасности (изолированные участки СИЗО для отбывания лишения свободы)

Данная несогласованность вызвала среди юридической общественности жесткую критику в адрес законодателя, не сумевшего устранить очевидные противоречия на стадии разработки и обсуждения проектов кодексов. Подобное стало следствием автономной работы друг от друга авторских коллективов и отсутствия их должной координации со стороны уполномоченных органов государства.

При этом в правоприменительной практике сложилась уникальная и беспрецедентная ситуация. Все судьи, адвокаты, а также прокуроры и другие представители правоохранительных органов в своей деятельности использовали наименования, указанные в УК РК и УПК РК. Во всех процессуальных документах, в том числе приговорах судов, применялись прежние названия. Единственным проводником в жизнь этой новеллы была уголовно-исполнительная система (УИС), которая в своих служебных документах (характеристики на осужденных, рапорты, справки и пр.) стала ссылаться на новые названия.

Вершина юридической коллизии проявлялась в том, что суд от имени государства в приговоре постановлял, например, отбывание наказания в исправительной колонии строгого режима, а осужденный направлялся в учреждение максимальной безопасности.

Этот диссонанс был устранен Законом Республики Казахстан от 18 апреля 2017 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовно-исполнительного законодатель-

ства» путем внесения изменений в УК РК и его синхронизации с УИК РК. Тем не менее в современной нормотворческой истории Казахстана изложенная дисгармония запомнилась как одна из самых масштабных.

По истечении четырех лет использования новых названий учреждений УИС среди юридической общественности Казахстана не утихают дискуссии об их обоснованности. В связи с этим попытаемся разобраться в их природе и заимствовании.

Анализ зарубежной пенитенциарной практики показывает, что во многих европейских странах такой классификации не существует. В большинстве стран тюрьмы делятся на два вида: закрытые и полуоткрытые (так называемые переходные дома наподобие наших колоний-поселений). Закрытые тюрьмы из соображений практичности и экономичности организованы по комплексному принципу, то есть учреждение состоит из нескольких блоков, в которых устанавливаются разные степени строгости (виды режима). Суды в приговорах указывают только срок лишения свободы, а вид режима определяется тюремной администрацией с учетом поведения заключенного.

Такой комплексный подход был бы очень полезен и для Казахстана, где много заключенных отбывают наказание в других регионах страны из-за отсутствия учреждения той или иной степени безопасности по месту проживания до осуждения. Помимо сохранения социальных связей осужденного с семьей, это также позволило бы сэкономить немалые финансовые средства за счет упразднения такой сферы, как этапирование, то есть перевозки осужденных по стране (специальные железнодорожные вагоны, конвойные подразделения, их военные городки и казармы, вооружение и пр.).

Обращение к тюремной системе США выявило, что именно оттуда заимствованы новые названия казахстанских учреждений УИС. В юридической литературе и интернет-источниках достаточно информации о многоступенчатой американской тюремной системе, поэтому постараемся обобщенно и кратко изложить ее устройство.

Как известно, правовая система США по вертикали состоит из трех уровней: федеральной, штатной и муниципальной. Соответственно на федеральные, штатные и муниципальные уровни разделены органы управления, законодательство, суды, тюрьмы и пр. К примеру, если лицо совершило противоправное деяние, подпадающее под федеральную юрисдикцию, то дело рассматривается в суде федерального значения, и в случае тюремного заключения наказание отбывается в федеральной тюрьме. Аналогично и по двум другим уровням.

Итак, большинство тюрем США распределены на федеральные, штатные и муниципальные (существуют еще специальные ведомственные тюрьмы: военные, миграционные и др.), которые и отличаются между собой по степеням безопасности. Так, федеральные тюрьмы находятся в подчинении Федерального бюро тюрем, которое входит в Министерство юстиции США. Федеральные тюрьмы отличаются внешне от других тюрем своей мощной архитектурой, так как они построены и финансируются за счет федерального бюджета. Система безопасности в них включает в себя самые современные технические средства, повышенную организацию мер защиты, более квалифицированный и высокооплачиваемый персонал и т. д. Федеральные тюрьмы, как правило, имеют: высокий уровень безопасности (high security), максимальный уровень безопасности (maximum security) или супермаксимальный уровень безопасности (super-maximum security).

Штатные тюрьмы находятся в подчинении правительства соответствующего штата. Они построены и содержатся за счет бюджета штата, поэтому по сравнению с федеральными тюрьмами дешевле в стоимости и обслуживании, проще в архитектурном

плане и организации функционирования. Данные учреждения классифицируются в одних штатах как тюрьмы среднего уровня безопасности (medium security), в других – как строгого уровня безопасности (close security).

На нижнем уровне находятся муниципальные тюрьмы, в которых содержатся арестованные в ожидании местного суда и осужденные к изоляции до года. Эти тюрьмы находятся под управлением шерифа соответствующего округа или города и финансируются из местного бюджета. Нередко они расположены в одном служебном здании с офисом шерифа и похожи на наши изоляторы временного содержания при городских (районных) отделах органов внутренних дел. Муниципальные тюрьмы имеют минимальный уровень безопасности (minimum security) либо низкий уровень безопасности (low security).

Из этого следует, что в США федеративная система государственного устройства нашла свое выражение и в тюрьмах. Подчиненность тюрем во властной вертикали, источник их финансирования, правовой статус работающего персонала, степень безопасности тюрем зависят от их юрисдикции: федеральной, штатной или муниципальной.

Что касается казахстанских пенитенциарных учреждений, то в отличие от тюрем США все они находятся в подчинении МВД РК и финансируются из одного источника – республиканского бюджета. В архитектурном плане учреждения средней, максимальной и чрезвычайной безопасности (колонии общего, строгого и особого режимов), которые составляют подавляющее большинство в структуре учреждений УИС, внешне и внутренне ничем друг от друга не отличаются. Благодаря однотипности эти учреждения легко перепрофилировать из одного вида безопасности в другой, что и практикуется при необходимости. Отличие лишь в характеристике осужденных, что является устойчивым требованием уголовного законодательства.

Таким образом, новая классификация казахстанских учреждений УИС заимствована из США, где тюрьмы по уровню безопасности адаптированы под федеративную 3-уровневую систему государственного устройства. В то же время Казахстан в отличие от США является унитарным государством, без деления учреждений УИС на разные уровни управления, поэтому в наших условиях американские наименования теряют свой смысл.

Можно по-разному относиться к новым названиям мест лишения свободы. Однако очевидно то, что никакой практической и научной пользы от этого новшества нет. Ведь простой сменой вывесок не решить текущих проблем отечественной пенитенциарной системы, построенные в советские времена учреждения с общежитиями (бараками) не превратятся в современные тюрьмы с камерным содержанием заключенных.

Возможно, разработчиками УИК РК двигало желание максимально его обновить, но для этого есть много других нерешенных аспектов. Например, одним из серьезных пробелов действующего УИК РК, по нашему мнению, является отсутствие должной законодательной регламентации камерного порядка содержания осужденных. На перспективность данного направления прямо указано в Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г.

Государством в этом направлении определенные шаги уже сделаны. Так, в рамках реализации Программы развития уголовно-исполнительной системы в Республике Казахстан на 2012–2015 годы (утверждена постановлением Правительства Республики Казахстан от 9 июня 2012 г. № 775) агентством по делам строительства на основе изучения международного опыта в 2012 г. для Комитета УИС был разработан типовой проект специализированного исправительного учреждения с камерным содержанием

осужденных, для чего из республиканского бюджета было потрачено 392,151 млн тенге (п. 40 плана по реализации Программы). Однако при разработке УИК РК положения типового проекта не были учтены, вопросы камерного содержания осужденных поверхностно затронуты всего в четырех статьях.

В заключение отметим, что внесению любых новелл в уголовно-исполнительное законодательство должна предшествовать их глубокая теоретическая проработка с позиции практической целесообразности, международного опыта и соотносимости с существующей тюремной инфраструктурой. В противном случае эти новеллы так и останутся бесполезными воплощениями не до конца продуманных идей.

УДК 343.8

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.068-072

АННА НИКОЛАЕВНА ШАНИНА,
магистрант, Академия ФСИН России,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: shanina_1994@bk.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, И ИХ ПРАВОВОГО СТАТУСА

Для цитирования

Шанина, А. Н. Международные источники правового регулирования соблюдения прав лиц, осужденных к лишению свободы, и их правового статуса / А. Н. Шанина // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 68–72. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.068-072.

Аннотация. В статье рассматриваются виды международных источников правового регулирования соблюдения прав лиц, осужденных к лишению свободы, и их правового статуса, раскрываются особенности правового положения осужденных, регламентированные данными правовыми актами. Анализируется вопрос соответствия отечественного законодательства общепризнанным принципам и нормам международного права в сфере определения правового статуса осужденных. По результатам исследования сделан вывод о необходимости создания универсальной конвенции или свода правил, касающихся вопросов обращения с лицами, осужденными к лишению свободы, на этапе исполнения в отношении их наказания. Основными темами, подлежащими раскрытию в таком документе, должны стать: личная безопасность, недопущение дискриминации, медицинских опытов, запрет пыток, иных насильственных действий и др. В рамках данного акта могут быть сформулированы нормы-рекомендации, содержащие предложения по обращению с осужденными и отражающие положительную практику из истории и современности различных государств.

Ключевые слова: международное право, общепризнанные принципы и нормы международного права, уголовно-исполнительная система, лишение свободы, правовой статус осужденных.

Существующие в обществе в настоящее время отношения регулируются различными отраслями права, которые, в свою очередь, представлены как международными

© Шанина А. Н., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ми, так и отечественными правовыми актами. Отношения, связанные с соблюдением прав человека в местах лишения свободы, регулируются нормами не только международного, но и отечественного права, главным образом, уголовно-исполнительного законодательства.

Исходя из анализа Конституции РФ и уголовно-исполнительного законодательства можно сделать вывод о том, что действующая система международных нормативно-правовых актов в области обращения с лицами, осужденными к лишению свободы, выступает в качестве части системы международных актов по борьбе с преступностью. В рамках данной системы устанавливаются нормы, которые определяют границы в деятельности органов и учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

Анализ юридической литературы позволяет сделать вывод об отсутствии четко упорядоченной классификации международных актов в рассматриваемой сфере. При этом имеются точки зрения представителей юридической мысли относительно данного вопроса.

Так, А. А. Ремизов выделяет следующие группы международных норм:

– нормы международного права, посредством которого осуществляется регулирование гражданско-политических прав;

– нормы международного права, содержанием которых осуществляется регулирование прав в экономической и социальной сферах [3, с. 174].

Д. П. Фанин классифицирует международно-правовые акты в рассматриваемой сфере по такому основанию, как обслуживание интересов человека, предлагая следующие группы:

– нормы международного права, которые наделяют осужденных лиц правом использования их прав;

– нормы международного права, дающие лицу, осужденному к лишению свободы, возможность процессуальной защиты их прав, основу которой составляет судебный порядок защиты [4, с. 362].

Классификация международных актов в рассматриваемой сфере может быть осуществлена и по иным основаниям, например по режиму отбывания наказания, труду и воспитательной работе с осужденными.

Наиболее удачная классификация международных нормативно-правовых актов предложена Ю. В. Помогаловой. С ее точки зрения, международные правовые акты должны быть классифицированы по следующим основаниям: степени общности, степени обязательности, источникам происхождения, широте (территориальным масштабам) действия. Данная классификация выглядит следующим образом.

1. В рамках такого основания, как степень общность, международные акты делятся:

– на универсальные, содержащиеся в документах общего характера, посредством которых осуществляется регламентация прав человека в целом;

– специальные, в рамках которых определяются особенности прав конкретно определенной группы лиц, в данном случае осужденных.

2. В зависимости от степени обязательности международные акты подразделяются на:

– обязательные к соблюдению в рамках национальной системы нормы (например, содержащиеся в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения, 1984 г.);

– нормы рекомендательного характера (в рамках представленной тематики примером могут выступать Европейские пенитенциарные правила, 2006 г.).

3. Что касается такого основания, как широта действия (территориальный масштаб), то международные акты могут поделены на акты мирового и акты регионального характера [2, с. 95].

В связи с указанными положениями в систему действующих международных актов, затрагивающих в той или иной степени правовое положение осужденных, можно включить следующие международные нормативные акты:

1. Акты общего характера: Всеобщая декларация прав человека (1948 г.); Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.); Декларация прав ребенка (1959 г.); Декларация ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1963 г.); Декларация о правах умственно отсталых лиц (1971 г.); Декларация о правах инвалидов (1975 г.); Декларация Всемирной медицинской ассоциации (1975 г.); Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (1981 г.).

2. Специализированные акты: Конвенция Международной организации труда относительно принудительного или обязательного труда (1930 г.); Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955 г.); Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1975 г.); Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1979 г.); Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1982 г.); Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.); Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни (1984 г.); Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (1985 г.); Свод принципов защиты всех лиц, подверженных задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (1988 г.); Основные принципы обращения с заключенными (1990 г.); Минимальные стандартные правила в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (1990 г.); Правила, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (1990 г.); Руководящие принципы для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) (1990 г.).

К документам, содержащим европейские стандарты рассматриваемого профиля, относятся: Европейская конвенция о защите прав и основных свобод человека (1950 г.); Европейская конвенция о надзоре за условно осужденными или условно-досрочно освобожденными лицами (1964 г.); Конвенция о передаче осужденных лиц (1983 г.); Европейская конвенция по предупреждению пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (1987 г.); Дополнительный протокол к Европейской конвенции о передаче осужденных лиц (1997 г.); Европейские пенитенциарные правила (2006 г.).

Кроме того, часть европейских стандартов представлена в резолюциях (70)1 «Практическая организация мер по надзору и последующему наблюдению за условно осужденными и условно-досрочно освобожденными лицами»; (67)5 «Изучение контингента заключенных и возможностей использования индивидуального подхода»; (62)2 «Избирательные, гражданские и социальные права заключенных».

Развитие процессов глобализации привело к появлению в международной деятельности наравне с обычными нормами международного права (нормы «твердого» права)

норм «мягкого» права, носящих рекомендательный характер, как правило, являющихся предвестниками обычных норм права.

Примером такой нормы рекомендательного характера может служить принятие и имплементация Римского статута Международного уголовного суда (МУС) в правовые системы различных государств, деятельность которого включает в себя в том числе вопросы создания международного пенитенциарного центра, куда помещаются осужденные в МУС для исполнения наказаний.

Говоря о межгосударственных международных актах, необходимо отметить, что значимым событием явилось принятие бывшими республиками СССР Модельного уголовно-исполнительного кодекса, который не имеет обязательной юридической силы, но носит рекомендательный характер.

Анализ норм, регламентированных в перечисленных международных актах, позволяет сделать вывод о наличии четырех важных обстоятельств, а именно:

– в рамках данных актов регламентируются, наряду с правовым статусом осужденных, вопросы их исправления и перевоспитания, управления учреждениями, в которых содержится данная категория лиц, и др.;

– в рассматриваемых документах основной акцент сосредоточен на регулировании правил исполнения лишения свободы;

– указанным актам присуща односторонняя ориентация, иными словами, в их основу заложена ориентация на защиту прав осужденных и регламентацию гарантии ее осуществления;

– в ряде международных актов содержатся схожие по своему содержанию положения [1, с. 184].

На основании изложенного целесообразно сделать вывод о необходимости создания универсальной конвенции или свода правил, раскрывающих вопросы, связанные с обращениями с лицами, осужденными к лишению свободы, на этапе исполнения в отношении их наказания. Основными темами в данном документе, как представляется, должны быть следующие: личная безопасность, недопущение дискриминации, медицинских опытов, запрет пыток, иных насильственных действий и др. В рамках такого акта могут быть также сформулированы нормы-рекомендации, содержащие предложения по обращению с осужденными и отражающие положительную практику из истории и современности различных государств.

Создание такого рода акта способствовало бы формированию единообразного подхода к пониманию правового положения лиц, осужденных к лишению свободы [5], он также мог бы стать важным инструментом, направленным на осуществление контроля в сфере прав и свобод личности на международном уровне.

Библиографический список

1. Жиляев Р. М. К вопросу об обеспечении прав и законных интересов осужденных к лишению свободы // Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания : сб. материалов II Междунар. науч. конф. М., 2018. С. 182–186.

2. Помогалова Ю. В. Защита прав осужденных // Защита прав осужденных: опыт, проблемы, перспективы : сб. материалов межвуз. науч.-практ. семинара / под общ. ред. М. М. Попович. М., 2017. С. 93–101.

3. Ремизов А. А. Проблемы обеспечения прав осужденных на свободу совести и вероисповедания в исправительных учреждениях // Олимпиада обучающихся в федеральных государственных образовательных организациях Министерства

юстиции Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний : сб. науч. тр. студентов и курсантов Самарского юридического института ФСИН России за 2015–2017 гг. Самара, 2017. С. 172–179.

4. Фанин Д. П. Соблюдение прав осужденных при исполнении уголовных наказаний // Экономическая безопасность: правовые, экономические, экологические аспекты : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 361–363.

5. Международные пенитенциарные стандарты : учеб.-метод. пособие для магистрантов / под общ. ред. А. П. Скибы. Ростов н/Д, 2017.

УДК 343.6

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.073-078

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА КАЗАКОВА,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vera1313@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЮ ВРЕДА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НЕОСТОРОЖНОСТИ

Для цитирования

Казакова, В. А. Уголовно-правовое противодействие причинению вреда жизни и здоровью по профессиональной неосторожности / В. А. Казакова // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 73–78. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.073-078.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере причинения вреда жизни или здоровью, в частности разграничения с преступлениями против здоровья населения, в связи с недобросовестным исполнением своих профессиональных обязанностей. Анализируется связь субъективных элементов состава преступления, личности виновного с наказуемостью. Изучаются такие субъективные признаки, как форма вины, мотив и цель преступления и характеристика субъекта. Ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей чаще всего совершается в сфере здравоохранения и является результатом виновной врачебной ошибки. Наибольшая сложность при этом заключается в разграничении неосторожного и невиновного причинения вреда, в том числе при обоснованном риске как обстоятельстве, исключающем преступность деяния, что является предметом судебно-медицинской экспертизы. Рассматриваются ситуации обоснованного риска, которые могут быть связаны: а) с отсутствием общественно полезной цели; б) наличием иного варианта действий (бездействия), не связанных с риском; в) непринятием достаточных мер для предотвращения опасности; г) сопряженностью риска с угрозой для жизни многих людей, угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия. Изучение судебной практики показало наличие значительного количества ошибок при квалификации данных преступлений, неоднозначную оценку тяжести таких деяний, различные подходы к их наказуемости, особенно в свете того, что законодатель предоставляет необоснованно большие возможности судебного усмотрения при этом. Устанавливается, что законодателю целесообразно

© Казакова В. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

прислушаться к разумным практическим тенденциям использования наказаний, не связанных с лишением свободы, а правоприменителям не злоупотреблять возможностью привлечения к уголовной ответственности, когда при возбуждении уголовного дела игнорируются субъективные составляющие, связанные с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, и с положительными мотивами и целями виновного.

Ключевые слова: преступления против жизни и здоровья, недобросовестное исполнение профессиональных обязанностей, наказуемость неосторожных преступлений, конкуренция норм, врачебная ошибка.

Жизнь и здоровье человека являются основополагающим благом, занимающим первое место в иерархии базовых ценностей. Составы преступлений гл. 16 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) можно классифицировать по разным основаниям.

Достаточно условным является их деление на преступления против жизни и преступления против здоровья, так как некоторые из них посягают на оба эти объекта. Так, в рамках причинения тяжкого вреда здоровью, как правило, присутствует угроза жизни, так как в п. 6.1 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (утверждены приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н), установлены два обобщенных критерия отнесения причиненного вреда к тяжкому: вред здоровью, опасный для жизни человека, который по своему характеру непосредственно создает угрозу для жизни, а также вред здоровью, вызвавший развитие угрожающего жизни состояния.

Как правило, статьи данной главы имеют сложную структуру, содержащую, наряду с основным составом, составы с квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками, выделяемыми по способу и орудия посягательства, по наступившим последствиям, по групповому признаку субъектов посягательства, по характеристикам потерпевшего.

В данной статье уделяется внимание таким субъективным признакам, как форма вины, мотив и цель преступления и характеристика субъекта. Это обусловлено проблемными для науки и судебной практики вопросами уголовно-правовой квалификации преступлений против жизни и здоровья, в частности разграничения с преступлениями против здоровья населения, с многообъектными преступлениями, где вред здоровью является дополнительным, с административными правонарушениями и дисциплинарными проступками, с невиновным причинением вреда здоровью, в том числе в условиях крайней необходимости и обоснованного риска. Неоднозначны и вопросы наказуемости таких деяний в плане соответствия законодательства и практики принципам законности и справедливости, экономии уголовной репрессии.

В гл. 16 УК РФ имеются статьи, содержащие нормы общего характера: ст. 109 (причинение смерти по неосторожности), ст. 118 (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности), ч. 4 ст. 122 (заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей), ст. 124 (неоказание помощи больному). Все они предполагают неосторожную форму вины и сконструированы по принципу материального состава, противоправность которого связана с наступлением последствий в виде причинения вреда жизни или здоровью.

Вместе с тем в УК РФ свыше 80 специальных норм, помещенных в иные главы кодекса в зависимости от сферы проявления. Как правило, речь идет о нарушении различных

профессиональных правил, повлекших причинение тяжкого вреда здоровью, смерть, а также смерть двух и более лиц по неосторожности. Иногда эти последствия являются составообразующими, чаще – квалифицирующими или особо квалифицирующими.

Ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей чаще всего наблюдается в сфере здравоохранения и является результатом виновной врачебной ошибки*. Наибольшая сложность при этом заключается в разграничении неосторожного и невиновного причинения вреда, в том числе при обоснованном риске как обстоятельстве, исключающем преступность деяния, что является предметом судебно-медицинской экспертизы.

С особенной внимательностью следует подходить к квалификации деяний, совершаемых с общественно полезной целью, связанной со спасением жизни и улучшением здоровья человека в обстановке крайней необходимости или обоснованного риска.

Правоведами ведутся дискуссии по трактовке понятий «общественно полезная цель», «достаточность мер, предпринятых для предотвращения вреда», оценке вероятности наступления угроз, перечисленных в ч. 3 ст. 41 УК РФ, отрицающих обоснованность риска.

Судебная практика показывает, что риск присутствует практически во всех сферах профессиональной деятельности и досуга. Наиболее часто на него ссылаются в преступлениях в сфере экономической деятельности, должностных, против собственности, при причинении вреда здоровью и жизни в медицине. Как справедливо отмечают ученые, данная норма призвана устранить препятствия, которые могут возникать на пути научно-технического прогресса, и одновременно с этим защитить общество от необдуманных и необоснованных действий рисковующих субъектов [1, с. 3].

Ситуация обоснованного риска возникает вследствие сознательного нарушения рискующим субъектом установленных правил в целях достижения общественно полезного результата, который может способствовать прогрессу в конкретной сфере профессиональной деятельности, например, медицине, фармацевтике, науке и технике, спорте, промышленности или в сфере обеспечения законности и правопорядка. Перед лицами, действующими в условиях крайней необходимости и обоснованного риска, стоят разные цели. В первом случае цель – предотвращение вреда от непосредственно грозящей опасности правоохраняемым интересам, а во втором – общественно полезная цель. При этом ставящаяся цель может быть также направлена на устранение опасности. Так, решимость провести сложную операцию по ампутации ноги тяжелобольному человеку ради спасения его жизни или здоровья ставит врача в ситуацию крайней необходимости, которую также можно трактовать как обоснованный риск. Если последствием такой операции явилось сохранение жизни больного, но возникновение инвалидности, то причиненный вред должен быть расценен как меньший, чем предотвращенный, и ответственность за него не должна наступить по правилам крайней необходимости. Если же в результате такой операции больной умер, а проведенная экспертиза установила, что смерть все равно наступила бы при отсутствии хирургического вмешательства, то оправданием врача может быть обоснованный риск. Это подтверждает сходство двух названных обстоятельств и объясняет то, что во многих странах обоснованный риск не выделен в качестве обособленного обстоятельства, а приравнивается к крайней необходимости.

* Такие преступления называются ятрогенными. В юридической и медицинской литературе также употребляются термины «медицинская ошибка», «врачебная халатность», «медицинский деликт», «дефект оказания медицинской помощи» и т. д.

В 2001 г. перед английским судом встал вопрос о правомерности риска в операции по разделению сиамских близнецов, когда врачам пришлось пожертвовать жизнью одного из младенцев в пользу другого, более жизнеспособного, то есть решить вопрос о соотношении действительного вреда, причиненного при обоснованном риске, и социальной значимости той цели, на достижение которой были направлены действия рискующего субъекта. Изучив все обстоятельства дела, суд признал действия медиков правомерными, ссылаясь на положения о необходимости, подтвержденной медицинскими показателями [2, с. 351].

В ситуации обоснованного риска нарушение условий правомерности может быть связано: а) с отсутствием общественно полезной цели; б) наличием иного варианта действий (бездействия), не связанных с риском; в) непринятием достаточных мер для предотвращения опасности; г) сопряженностью риска с угрозой для жизни многих людей, угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия. Возникает вопрос: какие из этих нарушений говорят об отсутствии обоснованного риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния, а какие допускают ответственность со смягчающим обстоятельством согласно п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ? Иначе говоря, речь идет о разграничении обоснованного риска с необоснованным, а также с недостаточно обоснованным. Ни закон, ни судебная практика Пленума Верховного Суда не дают ответа на этот вопрос. Вероятно, это все-таки вопрос факта, в каждом конкретном случае толкуемый по-разному.

Нередко судебно-медицинская экспертиза затрудняется в установлении причинной связи действия или бездействия медицинского работника и наступившего тяжкого вреда здоровью. Это связано с исходным состоянием здоровья пациента, характеризующегося предшествующими заболеваниями, особенностями организма и т. п. Иногда наступление такого последствия обусловлено деяниями нескольких лиц, например, хирургами и анестезиологами в процессе операции и лечащим врачом в послеоперационный период. Когда установлена неосторожная вина нескольких лиц, ответственность должна наступить в зависимости от связи действий или бездействия каждого с причиненным вредом по принципу неосторожного сопричинения.

В этой сфере в случае бездействия также возможна конкуренция составов ч. 2 ст. 118 УК РФ и ч. 2 ст. 124 УК РФ. Неоказание помощи в теории и судебной практике нередко подразумевает недостаточное, недолжное, некачественное ее оказание. Аналогичная коллизия возникает при конкуренции норм ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 124 УК РФ, когда речь идет о смерти больного. Типичным является уголовное дело в отношении врача К., которая ошибочно поставила диагноз «остеохондроз шейного отдела позвоночника» вместо инфаркта и назначила неправильное лечение, что привело к смерти больной. Действие врача было квалифицировано Ярцевским городским судом Смоленской области по ч. 2 ст. 124 УК РФ (приговор № 1-121/10 от 13 августа 2010 г.).

Представляется, что в данном случае в пользу применения ст. 124 УК РФ есть два аргумента: в неоказании помощи больному субъект более специальный (лицо, обязанное оказывать помощь больному), чем в причинении тяжкого вреда здоровью (лицо, исполняющее свои профессиональные обязанности; кроме того, наказуемость квалифицированного состава неоказания помощи существенно строже, чем по санкции ч. 2 ст. 118 УК РФ).

Изучение судебной практики показало наличие значительного количества ошибок при квалификации данных преступлений, неоднозначную оценку тяжести таких деяний, различные подходы к их наказуемости, особенно в свете того, что законо-

датель предоставляет необоснованно большие возможности судейского усмотрения при этом.

Так, санкции причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности предусматривают широкий спектр наказаний, в том числе до одного года лишения свободы (специальному субъекту за квалифицированный вид этого преступления). В 2017 г. по ч. 1 ст. 118 УК РФ осуждено 1077 чел. Наказание в виде ограничения свободы получили 264 чел. (25 %), исправительных работ – 197 чел. (18 %), обязательных работ – 327 чел. (30 %), штрафа – 231 чел. (21 %).

По ч. 2 ст. 118 УК РФ основная масса осужденных – 34 чел. из 42 осужденных (81 %) осуждены к ограничению свободы, что демонстрирует достаточно парадоксальный факт: к осужденным за более тяжкое преступление, связанное с ненадлежащим исполнением лицом своих профессиональных обязанностей, суды подходят гораздо более лояльно.

Такая же тенденция прослеживается при сравнительном анализе наказуемости причинения смерти по неосторожности. В 2017 г. к самому мягкому (по факту) наказанию – ограничению свободы осуждено 43 % (387 из 900 чел.) по основному составу (ч. 1 ст. 109 УК РФ) и 73 % (107 из 146 чел.) – по квалифицированному составу (ч. 2 этой же статьи). Лишением свободы наказаны соответственно 18 % (164 чел.) по ч. 1 ст. 109 УК РФ и только 2 чел. по ч. 2 этой статьи. Вероятно, это можно объяснить наличием более положительного социального статуса виновных.

Интересно, что превалирование учета благополучного социального положения виновного над тяжестью совершенного деяния до недавнего времени проявлялось и в умышленных преступлениях, достаточно тяжких, подвергающих угрозе различные сферы общественных отношений. Это относится к должностным, экономическим, в том числе коррупционным, преступлениям. Основное коррупционное преступление – получение взятки – в 2017 г. каралось реальным лишением свободы в 42 % случаев (в 2016 г. – 29 %), лишением свободы условно – в 27 % (19 %), штрафом – в 30 % (52 %). Чаще, чем другие виновные, эта категория получала наказание ниже низшего предела с учетом исключительных обстоятельств, к которым суды относили положительные характеристики с места работы, наличие благополучной семьи и детей, государственные и профессиональные награды, состояние здоровья и т. д. Только за один год уголовная политика в части наказуемости основных коррупционных преступлений изменилась радикально. Резко (примерно в полтора раза) выросло назначение реального лишения свободы и лишения свободы условного. В частности, за дачу взятки условную меру стали применять в три раза чаще. Существенно сократилось назначение штрафа. В целом это можно оценить как ужесточение ответственности за коррупционные преступления.

Виновные в неосторожных преступлениях, связанных с нарушением профессиональных обязанностей, также отличаются от основной массы так называемых общеуголовных преступников наличием благополучного социального статуса – квалифицированной работы, образования, положительных характеристик. Вероятность наступления неблагоприятных последствий (причинение вреда здоровью или смерть человека) в неосторожных преступлениях меньше, но их криминализующее значение несравнимо выше.

Именно в делах подобного рода особенно заметно проявляются противоречия между частным предупреждением и общей превенцией. Учеными, тяготеющими к так называемой интеракционистской модели наказания, доказано, что нет прямой зависимости между суровостью наказания, объемом карательных элементов в нем, его длительностью и эффективностью в плане достижения целей исправления и превенции, а также восстановления социальной справедливости [3; 4]. Более того, в каждом конкретном

случае они могут вступать в противоречие друг с другом. Какая из трех целей должна превалировать – вопрос дискуссионный. Так, карательная составляющая наказания часто требует длительных сроков лишения свободы. Однако с точки зрения достижения цели частного предупреждения во многих ситуациях, исходя из особенностей личности виновных, достаточным может оказаться сам факт осуждения, потеря в связи с этим работы и соответствующего положения в обществе. Не случайно практика назначения наказания судом иногда очень существенно «корректирует» установленные законодателем меры ответственности, назначая наказание условно за весьма серьезные преступления, а тем более неосторожные, или применяя различные виды освобождения от наказания и ответственности.

Тренд современного уголовного законодательства связан с расширением составов создания опасности в целях общей превенции, что обусловлено влиянием на соответствующие правоотношения быстро развивающихся направлений развития медицинской науки, гипнотических и иных приемов воздействия на человеческую психику, генетики, совершенствования биотехнологий, внедрения манипуляций, связанных с технологиями клонирования, фармацевтики, и даже контроля за использованием биологических видов оружия.

Законодателю целесообразно прислушаться к разумным практическим тенденциям использования наказаний, не связанных с лишением свободы, а правоприменителям не злоупотреблять возможностью привлечения к уголовной ответственности, когда при возбуждении уголовного дела игнорируются субъективные составляющие, связанные с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, и с положительными мотивами и целями виновного. Специалисты называют это явление отрицательной латентностью, когда первоначально деяние рассматривается в качестве преступления, но потом оборачивается казусом, несчастным случаем, деянием, не представляющим общественной опасности [5, с. 201].

Количество ошибок и различный подход к разрешению аналогичных уголовных дел в судебной практике говорит о нарушении принципа законности в правосудии, что может быть устранено или уменьшено более тщательным подходом к конструированию уголовно-правового запрета неосторожных преступлений, практической обоснованностью санкций, более пристальным вниманием со стороны Пленума Верховного Суда Российской Федерации по толкованию норм УК РФ в рассматриваемой сфере.

Библиографический список

1. Ильюхов А. А. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 175 с.
2. Monaghan, N. 2014, *Criminal Law Directions*, Oxford.
3. Иншаков С. М., Казакова В. А. Методологические подходы к наказуемости преступлений в ракурсе современной уголовной политики // *Уголовное право*. 2016. № 1. С. 84–92.
4. Tannenbaum, F. 1938, *Crime and the community*, Columbia University Press, New York, <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015003659664;view=1up;seq=1>.
5. *Уголовное право. Общая часть. Преступление*. Академический курс : в 10 т. / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2016. Т. 10 : *Обстоятельства, исключающие преступность деяния*. 507 с.

УДК 343.8:343.8(517)

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.079-084

СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ МИЛЮКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права,
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: dikoepoleSF@gmail.com

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА О ДИССЕРТАЦИИ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 12.00.08
БАТБОЛД Г. «ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ,
ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ,
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МОНГОЛИИ».
ОМСК: ОМСКАЯ АКАДЕМИЯ МВД РОССИИ,
2018. 228 С. (С ПРИЛОЖЕНИЯМИ)**

Для цитирования

Милюков, С. Ф. Отзыв официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 Батболд Г. «Обеспечение прав осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в Российской Федерации и Монголии». Омск: Омская академия МВД России, 2018. 228 с. (с приложениями) / С. Ф. Милюков // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 79–84. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.079-084.

Аннотация. В статье приведен отзыв официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Обеспечение прав осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в Российской Федерации и Монголии». Сделан вывод о том, что большинство положений, выводов и рекомендаций, содержащихся в диссертации, являются обоснованными и достоверными, поскольку сформулированы на обширной и разнообразной нормативной базе с привлечением достаточного количества научных источников на русском и монгольском языках с использованием надежных методов исследования. Вполне репрезентативна эмпирическая база исследования, включающая в себя, помимо официальных источников, результаты анкетирования 300 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Монголии, и 100 сотрудников этих учреждений. Отличаются существенной научной новизной и заслуживают

© Милюков С. Ф., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

поддержки большинство положений, вынесенных непосредственно на защиту. Основные достижения диссертанта апробированы на представительных международных и всероссийских научно-практических конференциях, проводившихся как в юридических вузах Омска, так и в Университете правоохранительной службы Монголии. Выявленные отдельные недостатки диссертационного исследования не препятствуют выводу о том, что его автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук.

Ключевые слова: лишение свободы, права осужденных, Российская Федерация, Монголия, сравнительный анализ.

Внешнеполитическое положение Российской Федерации непрерывно осложняется. Среди множества причин сложившейся ситуации – отсутствие у нашего государства достаточного числа надежных союзников и партнеров на международной арене. Одним из исключений является Монгольская Народная Республика (МНР).

История взаимоотношений наших народов насчитывает не менее восьми веков. Начавшаяся кровопролитным противостоянием, она постепенно эволюционировала к тесному идеологическому, политическому, военному, экономическому и культурному союзу, расцвет которого состоялся в XX веке. Советская Россия (а потом и СССР) была гарантом суверенитета Монголии. Достаточно сказать, что вплоть до окончания Второй мировой войны только Советский Союз признавал независимость монгольского государства. В ответ Монгольская Народная Республика оказала огромную (учитывая небольшую численность населения) продовольственную, вещевую, сырьевую, гужевую, финансовую и людскую помощь в борьбе с гитлеровской Германией, ее многочисленными сателлитами на Западе и милитаристской Японией на Востоке.

Давно развиваются плодотворные научно-педагогические связи российских и монгольских юристов. Однако деградация юридического образования в современной России привела к тому, что подавляющему большинству ученых, педагогов и учащихся мало что известно о монгольском уголовном и пенитенциарном законодательстве и практике его применения. Настоящий труд в известной мере восполняет этот пробел.

Большинство положений, выводов и рекомендаций, содержащихся в диссертации, являются обоснованными и достоверными, поскольку они сформулированы на обширной и разнообразной нормативной базе с привлечением достаточного количества научных источников на русском и монгольском языках с использованием надежных методов исследования. Вполне репрезентативна эмпирическая база исследования, включающая в себя, помимо официальных источников, результаты анкетирования 300 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Монголии и 100 сотрудников этих учреждений (с. 9). Отрадно, что на эти сведения автор ссылается затем в тексте работы, используя в качестве аргументов в отстаивании своего мнения по затрагиваемым проблемам (с. 51, 53–54 и др.). То же можно сказать о полученных лично соискателем данных опроса членов Общественной наблюдательной комиссии и Общественного совета УФСИН России по Омской области (с. 131–132 и др.).

Отличаются существенной научной новизной и заслуживают поддержки большинство положений, вынесенных непосредственно на защиту. Это касается, прежде всего, положений с порядковыми номерами 1, 3, 4.2, 4.3, 4.5, 5.1 и 6.1 (с. 10–14).

Основные достижения диссертанта апробированы на представительных международных и всероссийских научно-практических конференциях, проводившихся как в

юридических вузах Омска, так и в Университете правоохранительной службы Монголии (с. 15). Они опубликованы в виде девяти научных статей на русском и монгольском языках, четыре из которых – в рецензируемых научных журналах, рекомендуемых ВАК при Минобрнауки России (с. 22–23 автореферата).

Полученные результаты уже внедрены в научный, педагогический и правоприменительный процессы в Монголии и России (с. 15). Смеем надеяться, что они попадут и в поле зрения российского и монгольского законодателей.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что диссертация и автореферат, дающий адекватное представление о ее содержании, написаны хорошим литературным языком, практически лишены грамматических, орфографических и стилистических погрешностей и аккуратно оформлены.

Говоря более конкретно о достоинствах настоящего труда, необходимо отметить следующее.

В историческом очерке эволюции правового статуса осужденных в названных выше странах автор возвращает в научный оборот полузабытые сведения о ряде нормативных актов, в том числе Положении об общих местах заключения РСФСР 1920 г., которое придавало определяющее значение корыстному характеру совершенного деяния (с. 24), а также Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР 1939 г. (с. 25).

Важной заслугой соискателя является развенчание устойчивого мнения о несамостоятельности правовых систем стран социалистической ориентации (в том числе МНР) и об их чуть ли не полной зависимости от советского (прежде всего российского) законодательства (с. 30–31, 38).

Еще в большей мере суверенность монгольской правовой системы характерна для современного периода. В доказательство приводятся такие факты, как отсутствие в монгольском уголовно-исполнительном законодательстве норм об удержании из пенсий осужденных (с. 68), упрощенном порядке расторжения брака с лишенными свободы (с. 71), их праве на ежегодный оплачиваемый отпуск (с. 75), возможности председателю и членам Комиссии по правам человека посещать исправительные учреждения без предварительного на то разрешения (с. 118), запрете цензурирования переписки осужденных с адвокатом за некоторыми исключениями (с. 159) и др. При этом автор не ограничивается констатацией этих и других пробелов, необоснованно ухудшающих положение лишенных свободы, а предлагает законодателю свои нормативные рецепты (с. 11–14, 159, 182 и др.).

В то же время он прямо или косвенно адресует соответствующие рекомендации и российским правотворческим органам. В частности, это касается права на свободу творчества с разумными его ограничениями (с. 71), запрета на освобождение по болезни в случаях намеренного причинения себе вреда самим осужденным (с. 92), возможности близкому родственнику находиться у постели осужденного, находящегося в тяжелом состоянии (с. 163–164, 182) и др.

Трезво оценивая экономическое состояние и другие особенности России и Монголии, автор справедливо отмечает невозможность полного восприятия западных стандартов обращения с осужденными (с. 48–49, 51–52, 58, 177). При этом он обоснованно поддержал мнение одного из официальных оппонентов о том, что «переход на тюремную систему содержания будет означать ухудшение положения осужденного и дегуманизацию условий отбывания наказания» (с. 33). Вышеизложенным объясняется тот факт, что «переход от колониальной к тюремной системе в России остановился» (с. 35).

Значительный интерес представляют сведения о количестве неграмотных среди взрослых монгольских осужденных (с. 169, 174, 181), что в известной мере характерно и для российских граждан, прежде всего с отклоняющимся поведением.

Справедливым следует признать упрек соискателя в отношении нарушения российским законодателем принципов прогрессивной системы отбывания лишения свободы (с. 110–111, 113–114, 179), которое лишь частично устранено недавно принятым Федеральным законом от 16 октября 2017 г. № 292-ФЗ (с. 110).

Наконец, в диссертации содержатся принципиально важные для России сведения о введении в Монголии пожизненного лишения свободы для женщин (с. 104). В нашей стране отчетливо проявляется тенденция усиления общественно опасной активности девушек и женщин разных возрастов, в том числе в виде совершенных терактов, убийств при отягчающих обстоятельствах, бандитизма, наркотрафика и ряда других особо тяжких преступлений.

Настоящее исследование обладает и другими достоинствами, на которые, как можно надеяться, обратят внимание иные оппоненты и рецензенты.

Вместе с тем в диссертации имеются некоторые спорные положения и упущения. Остановимся на основных из них.

1. Соискатель (вероятно, по настоянию научного руководителя) избрал очень ровную, подчеркнута уважительную к мнению иных специалистов форму подачи материала. Он избегает острой полемики, сглаживает противоречия в подходах к статусу лишеного свободы. Однако такая дипломатичность, как и всякая крайность, наряду с положительным несет в себе негативный заряд.

Наиболее рельефно это проявляется в освещении такого концептуального положения, как отнесение прав и свобод человека к высшей, абсолютной ценности (с. 3, 44, 115, 128, 164 и др.). При этом диссертант не задается простым вопросом, о чьих именно правах идет речь. Что называется «за кадром» остаются права потерпевших – искалеченных, изнасилованных, обворованных, униженных и оскорбленных законопослушных граждан. Презюмируется, конечно, что их интересы выражает государство в лице следственных, прокурорских, судебных и пенитенциарных структур. Однако правда жизни заключается в том, что государству в ряде случаев выгоднее защищать интересы преступников, нежели их жертв.

В диссертации лишь констатируется, но никак не объясняется невиданное ранее снижение количества осужденных к лишению свободы «как в России, так и в Монголии [...] до исторического минимума» (с. 155). На наш взгляд, это никак не обусловлено криминологической картиной российской и монгольской преступности, а лишь является реверансом перед западными и внутренними либералами, которые, как наглядно свидетельствуют события 2017 г. – начала 2018 г., заинтересованы в ослаблении российского суверенитета и обострении общественных антагонизмов. Ведь необоснованное оставление преступников на свободе приводит ко все более разнузданному их поведению (это относится, кстати, не только к общеуголовному элементу, но и к так называемым белым воротничкам – казнокрадам, взяточникам, производителям некачественных товаров и услуг и т. п.).

Обрисованная проблема имеет и четко выраженный прикладной аспект. В работе достаточно много говорится об общественном контроле за исполнением и отбыванием лишения свободы (с. 127–134 и др.), но этот контроль почему-то имеет одну цель – обеспечить «охрану достоинства личности, защиту гражданина от жестокого и унижающего обращения с ним» (с. 128). Однако почему общество лишено возможности реагировать

на необоснованное ослабление карательно-воспитательного процесса, расцвет в некоторых исправительных учреждениях коррупционного сращивания заключенных и администрации, наконец, продолжения частью осужденных противоправной деятельности как внутри мест лишения свободы, так и вовне (прежде всего за счет использования мобильных средств связи)? Почему бы в связи с этим не наделить потерпевших (или их законных представителей) правом посещения колоний и тюрем, чтобы они могли воочию убедиться в должном карательном воздействии на своих обидчиков? Почему законодатель не связывает условно-досрочное и иные виды освобождения с их мнением?

Именно такие вопросы, по нашему убеждению, должны стать предметом исследований, что повысит интерес власти и общества к ним.

2. Развивая первое замечание, следует оспорить безоговорочное одобрение норм, содержащихся в ст. 100 УИК РФ и ст. 202 Закона об исполнении судебных решений Монголии, позволяющих совместное проживание осужденных женщин с их малолетними детьми (с. 86–87). Дело в том, что в младенческом возрасте, когда ребенок находится как бы в «беспамятстве», бурно и непрерывно протекает его социализация. Ясно, что общение с матерью, совершившей очень серьезное преступление (а часто и их серию), погружение в тюремную обстановку не может пройти для ребенка бесследно. Следует отметить, что монгольский законодатель гораздо более озабочен этим, устанавливая срок такого сожительства в два года, тогда как УИК РФ закрепляет трехлетний период (с. 86).

Не нашел критической оценки и лицемерный, на наш взгляд, запрет проводить опыты с участием осужденных независимо от их согласия (с. 33). Это явно диссонирует с ужасающими данными о смертности в местах лишения свободы. Так, в России в 2016 г. 749 осужденных скончались еще до начала рассмотрения их ходатайства в суде, а 119 умерли до вступления в силу постановления об их освобождении по болезни (с. 150). Не случайно 54,4 % осужденных в Омской области, подавших в 2015 г. жалобу в региональный УФСИН России, связали ее с неудовлетворительным обеспечением охраны их здоровья (с. 152), а среди опрошенных в том же году монгольских осужденных 32 % заявили, что медпомощь они не получают вовсе, а 43 % – получают ее лишь «в какой-то степени» (с. 160).

Почему бы, естественно, на добровольной основе (а степень этой добровольности должны определять надзирающие и контролирующие органы, в том числе общественные) осужденные не могли бы участвовать в апробации лекарств, аппаратуры и лечебных методик ради спасения своей жизни или хотя бы стабилизации собственного здоровья?

3. В диссертации лишь упоминается (с. 102) постановление Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2015 г. № 24-П о наделении осужденных к пожизненному лишению свободы правом на длительные свидания. На наш взгляд, оно подрывает предназначение такого наказания стать альтернативой смертной казни.

Уже сейчас в России значительное количество пожизненно осужденных отбыло 25-летний срок, и это число будет неуклонно нарастать впредь. Многие из них отнюдь не утратили своей общественной опасности. Законодатель должен взвешенно подойти к этой проблеме. Вместо этого он усиливает коллизии в правовом статусе особо опасных преступников. Так, осужденные по совокупности приговоров за половые преступления против несовершеннолетних, тяжкие и особо тяжкие преступления в сфере незаконного обращения наркотиков и преступления террористического характера в случае назначения им предельного срока в 35 лет подлежат условно-досрочному освобождению

позже, нежели осужденные пожизненно. В связи с этим следовало дать научную оценку данным и аналогичных противоречий правового положения такого рода осужденных.

4. Среди достаточно обширной библиографической базы настоящего исследования обнаруживаются досадные лакуны.

Так, вне поля зрения соискателя оказались монография Минсафина С. Н. «Правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства, отбывающих наказание в виде лишения свободы» (Самара, 2011) и учебное пособие Нарышкиной Н. И. «Обеспечение правового положения осужденных в деятельности уголовно-исполнительной системы» (Владимир, 2010). Важно, что эти работы изданы в профильных юридических институтах ФСИН России.

Та же участь постигла обширную главу «Правовое положение осужденных», авторами которой выступили известные пенитенциаристы Ю. М. Антонян, Ю. А. Кашуба, В. Н. Орлов, А. П. Скиба, С. Н. Минсафина (см.: Курс уголовно-исполнительного права : в 3 т. Т. 1. Общая часть. М. : ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. С. 198–253).

Еще более значимым пробелом является незнание автора научно-теоретической модели нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, гл. 4 которого (ст. 34–50) называется «Правовой статус осужденных, отбывающих наказание и иные меры уголовно-правового характера» (см.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М. : ИД «Юриспруденция», 2017. 328 с.).

5. Погрешности имеются и в нормативной базе диссертации.

Так, важнейший законодательный источник – УИК РФ в списке литературы значится в редакции Федерального закона от 16 октября 2017 г. (с. 184). Однако воспроизведенный в тексте п. «б» ч. 5 ст. 131 этого Кодекса дается в прежней, уже не действующей редакции (с. 102). Что же касается Федерального закона от 20 декабря 2017 г. № 409-ФЗ, то он опущен вовсе, хотя принятый в тот же день Федеральный закон от 20 декабря 2017 г. № 410-ФЗ значится как учтенный (с. 186).

Еще в более устаревшей редакции обозначены УК РФ, ТК РФ, СК РФ (с. 184) и федеральные законы «О политических партиях», «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О порядке рассмотрения обращения граждан Российской Федерации», «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания» и др. (с. 185). Та же судьба постигла важнейший подзаконный акт – Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (с. 186).

Выявленные несовершенства несколько снижают теоретическую и прикладную ценность рассмотренной работы. Однако они отнюдь не препятствуют выводу о том, что диссертация на тему «Обеспечение прав осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в Российской Федерации и Монголии» является законченным научно-квалифицированным исследованием актуальной и малоизученной в сравнительном плане уголовно-исполнительной проблемы, в целом соответствующей требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакциях последующих постановлений), а Батболд Галдабрах, как ее автор, заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата юридических наук.

УДК 340.132.2

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.085-086

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ДЕТКОВ,

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии,
Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация,
e-mail: kafupik@law.asu.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И РЯДА СТРАН (КРАТКИЙ НАУЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ)»

Для цитирования

Детков, А. П. Рецензия на монографию «Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий)» / А. П. Детков // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 1. – С. 85–86. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.085-086.

Аннотация. Отмечается актуальность монографии ввиду наличия многочисленных недостатков законодательства, требующих своего разрешения. Особое внимание уделяется тому, что авторским коллективом анализируются коллизии уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иного законодательства не только Российской Федерации, но и ряда других стран: Азербайджанской Республики, республик Беларусь, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан. Сделан вывод о том, что монография обладает необходимым теоретико-практическим значением и достойна быть опубликованной.

Ключевые слова: коллизии законодательства, уголовно-исполнительный процесс, уголовное судопроизводство, уголовное законодательство.

В настоящее время сложности в принятии многих юридически значимых решений обусловлены наличием белых пятен и коллизий законодательства. Особенно явно это проявляется в тех случаях, когда имеются участники соответствующих правоотношений с противоположным друг другу интересом – в частности, в уголовно-исполнительном процессе, уголовном судопроизводстве и т. д. Одни участники данных правоотношений ссылаются на конкретную норму законодательства, а другие – на иную норму, противоречащую первой. При этом теория, к сожалению, не всегда поспевает за потребностями практики, в результате чего многие коллизии законодательства требуют дополнительного изучения и обоснования своего разрешения в ту или иную сторону.

Иногда же получается наоборот: теория соответствующей отрасли права вырабатывает соответствующее решение коллизии, а практика его не воспринимает ввиду сложности умозаключения, трудностей его применения в правоприменительной дея-

© Детков А. П., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

тельности и т. д. С учетом изложенного актуальность темы настоящего исследования не вызывает сомнения и имеет несомненное теоретико-практическое значение.

Авторами, представляющими как практиков (центральный аппарат ФСИН России), так и теоретиков (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Академия ФСИН России, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Бурятский государственный университет и др.), основное внимание уделяется законодательству, в котором императивные нормы играют основополагающую роль, – уголовному, уголовно-процессуальному, уголовно-исполнительному, о прокурорском надзоре, о противодействии преступности и т. д. При этом рассматриваются коллизии не только в самих российских актах (Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Российской Федерации, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»), но и в разных нормативно-правовых документах.

К каждой коллизии авторами дается краткий комментарий, а к некоторым из них приводятся новые редакции соответствующих норм (Уголовный кодекс Российской Федерации).

Следует выделить также то обстоятельство, что в монографии изучаются коллизии законодательства некоторых стран: Азербайджанской Республики, республик Беларусь, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан. При этом основное внимание уделяется законодательству, в котором императивные нормы играют основополагающую роль, – уголовному, уголовно-процессуальному, уголовно-исполнительному и о противодействии преступности с анализом Кодекса по исполнению наказаний Азербайджанской Республики, Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, Уголовного кодекса Республики Узбекистан, Закона Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры», Закона Республики Казахстан «О пробации» и других зарубежных нормативно-правовых актов.

Возможным замечанием можно назвать недостаточность учета мнения Пленума Верховного Суда РФ, в том числе выраженного в его соответствующих постановлениях, фактически решающего ряд коллизий законодательства и ориентирующего на единообразное применение таких норм на практике. В то же время это замечание не меняет положительной оценки данного исследования.

Вывод: кафедра уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета считает, что монография на тему «Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий)» обладает необходимым теоретико-практическим значением и достойна быть опубликованной.

PENAL INSTITUTIONS AND BODIES AND THEIR LEGAL ACTIVITY

Vladimir Nikolaevich Zakopyrin, PhD (Law), associate professor of administrative and financial law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0002-7589-4112, e-mail: bob503660@yandex.ru.

TOPICAL ISSUES OF BRINGING EMPLOYEES OF THE PENAL SYSTEM TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Recommended citation

Zakopyrin, V. N. 2019, 'Topical issues of bringing employees of the Penal system to administrative responsibility', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 1, pp. 12–15, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.012-015.

Abstract. The article is devoted to the problematic issues of bringing to administrative responsibility of employees of Penal system. The subject of the research is a set of legal norms regulating social relations arising in the sphere of bringing an employee of Penal system to administrative responsibility. The purpose of the study is to analyze the current state of the legislation establishing administrative responsibility of Penal staff; to study the problems of the legal status of an employee, to make proposals to eliminate such problems. Administrative responsibility is based on a number of key principles, including the principle of equality of citizens before the law and the court. It is a constitutional principle that proclaims that the state guarantees equality of human and civil rights and freedoms regardless of gender, race, nationality, language, origin, property and official status, place of residence, attitude to religion, beliefs, membership of public associations, as well as other circumstances. However, the administrative responsibility of military personnel, citizens called up for military training, and persons with special ranks, including Penal staff, is replaced by disciplinary responsibility. Only under some articles directly specified in the Code of the Russian Federation on administrative offenses, they bear administrative responsibility. To attract the subject of law to any kind of legal liability we need basis. The basis of disciplinary responsibility is the commission of a disciplinary offence by an employee of Penal system, but not improper implementation of the duties assigned to him. The basis of administrative responsibility of the employee of Penal system is the commission of administrative offense, that is illegal and for which the Code of the Russian Federation about administrative offenses establishes such responsibility. The commission of an administrative offence by an employee of Penal system may cause, in addition to administrative, disciplinary responsibility. In this case, the basis for bringing the employee to disciplinary responsibility will not be the commission of an administrative offense, but the violation of discipline, expressed in violation, for example, of the requirements for the official behavior of the employee, causing damage to his reputation or the authority of the institution or body of Penal system. Administrative responsibility of the staff of Penal system should not be replaced by disciplinary responsibility. It may complement the administrative one.

Keywords: administrative responsibility, disciplinary responsibility, employees of Penal system.

References

Zverev, A. V. 2016, 'About elements of the organizational mechanism of the employees legal status implementation of Penal system', *Eurasian law journal*, no. 12(103), pp. 169–170.

Dazmarova, T. N. 2018, 'Some aspects of bringing employees of Penal system of the Russian Federation to legal responsibility', in T. A. Mechetina (ed.) *Law and policy: theoretical and practical problems: collection of materials of the 6th International scientific and practical conference*, pp. 41–46, Ryazan.

Timohov, V. P. 2006, 'Moral determinants of modern Russian law', in S. L. Tarasevich (ed.) *Problems of social and economic development of the Federal subject at the present stage: materials of the 1st Interregional scientific and practical conference*, p. 244–248, St. Petersburg.

Zakopyrin, V. N. 2015, 'Code of administrative offences of the Russian Federation: legality or expediency/reasonability?', *Actual problems of administrative law and its implementation in the sphere of Internal Affairs bodies: materials of the intradepartmental scientific and practical conference*, pp. 16–25, Ryazan.

THE EXECUTION OF CRIMINAL PUNISHMENTS NOT RELATED TO DEPRIVATION OF LIBERTY

Eduard Vladimirovich Lyadov, PhD (Law), Associate Professor, professor of penal law department, Academy of the FPS of Russia, r. Ryazan, Russian Federation, e-mail: leve2000@yandex.ru;

Svetlana Aleksandrovna Nosenok, chief of Penal inspection, Orenburg regional department of the FPS of Russia, e-mail: uii@56.fsin.su.

SOCIAL SUPPORT TO CONVICTS SENTENCED TO PUNISHMENT WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY: FROM THE EXPERIENCE OF THE PENAL INSPECTION OF THE ORENBURG REGIONAL DEPARTMENT OF THE FPS OF RUSSIA

Recommended citation

Lyadov, E. V. & Nosenok, S. A. 2019, 'Social support to convicts sentenced to punishment without isolation from society: from the experience of the Penal inspection of the Orenburg regional department of the FPS of Russia', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 1, pp. 16–25, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.016-025.

Abstract. The article considers the problems of providing social and psychological support to convicts sentenced to punishment without isolation from society, studies the experience of interaction with social services providing social support to convicts who are registered in Penal inspection. According to the results of the study, it is concluded that the task of Penal staff inspection is not only the implementation of the punishment, imposed by the court, but also carrying out preventive work, part of which is the provision of diverse assistance, contributing to correction and social adaptation. That is why among the priorities of social correctional impact on convicts serving sentences without isolation from society are: the formation and devel-

opment of socially significant knowledge, skills and abilities of convicts; improving the overall level of education, culture and legal awareness training in professions that are in demand on the labour market, restoration of professional skills; development of convicts psychological and moral needs to work; formation of responsibility for the choice of their life path and the implementation of the planned.

Keywords: Penal inspection, social support, convicts, punishment without isolation from society, social and psychological assistance.

References

Seliverstov, V. I. 2016, *General part of new Penal code of the Russian Federation: results of theoretical modeling*, Moscow.

Ol'hovik, N. V. 2013, 'Re-socialization of convicts without isolation from society and the activities of Penal inspections preventing crimes', *Bulletin of Tomsk state University. Law*, no. 1(7), pp. 68–74.

Kryuchkova-Pilyagina, O. V. & Lebed', M. A. 2016, 'Legal support of social work with convicts, their re-socialization and social adaptation', in A. A. Votinov (ed.) *Penal system at the present stage: interaction of science and practice: materials of the International scientific and practical interagency conference*, pp. 341–344, Samara.

Zarebinskaya, E. L. 2014, 'I am proud of our employees', *Bulletin of Penal system*, no. 5(144), pp. 3–7.

Kolesnikova, N. E. 2016, 'Analysis of socio-psychological factors of convicts employment to penalties alternative to imprisonment', *Psychopedagogics in law enforcement agencies*, no. 2(65), pp. 56–59.

Gabaraev, A. Sh. & Novikov, A. V. 2018, 'Organization and current state of social work with juvenile convicts, registered in Penal inspections', *Russian investigator*, no. 8, pp. 68–72.

The chief of the Federal state institution of Penal inspection of Russia in Orenburg region took part in the coordination meeting on law enforcement in Orenburg region n.d., viewed 20 October 2018, http://56.xn--h1akkl.xn--p1ai/news/detail.php?ELEMENT_ID=226457.

THE EXECUTION OF CRIMINAL PUNISHMENTS NOT RELATED TO DEPRIVATION OF LIBERTY

Valentina Ivanovna Zubkova, PhD (Law), Professor, chief researcher of the laboratory of social and legal research and comparative law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: sl-lab@law.msu.ru.

SOME PROBLEMATIC ISSUES OF LIFE IMPRISONMENT PUNISHMENT IN RUSSIAN LEGISLATION

Recommended citation

Zubkova, V. I. 2019, 'Some problematic issues of life imprisonment punishment in Russian legislation', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 1, pp. 26–29, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.026-029.

Abstract. The article reveals the concept of life imprisonment, its positivity (and negativity) in the implementation of the purposes of punishment, considers psychological aspects of convicts serving life imprisonment. The issues, related to the expansion of the number of crimes for which life imprisonment can be imposed, as well as unjustified refusal of parole or in the application of other measures for convicts release available in many European countries, are discussed. The article retrospectively analyzes the changes in the criminal legislation in the part of life imprisonment. Such specific changes in the current criminal and penal legislation are proposed: reduction of the term of serving a sentence for the application of parole; use of the experience of Western countries in the application of phased conditions of serving a sentence (from strict to softer), followed by the use of conditional release; reduction of crimes providing for life imprisonment.

Keywords: punishment, life imprisonment, justice, criminalization of acts, parole, duration of punishment, comparison with the laws of other countries.

References

- Platonov, K. K. 1972, *About the system of psychology*, Moscow.
Popov, V. D. 2003, *Psychology*, Moscow.
Kalinin, YU. I. & Seliverstov, V. I. 2012, *Convicts and persons held in custody in Russia: based on a special census of convicts and persons held in custody, 12–18 November 2009*, Moscow.
Tirranen, V. A. 2013, *Capital punishment: a new word in an old dispute*, Moscow.
Crime and offences: statistical compendium 2002, Moscow.

Irina Anatolievna Zhilko, assistant of pro-rector for scientific work, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation, e-mail: zhia001@usla.ru.

SOME PROBLEMATIC ISSUES OF LEGAL REGULATION OF IMPRISONMENT EXECUTION CONCERNING THE CONVICTS LEFT IN PRE-TRIAL DETENTION CENTERS FOR INTERNAL (HOUSEKEEPING) DUTIES

Recommended citation

Zhilko, I. A. 2019, 'Some problematic issues of legal regulation of imprisonment execution concerning the convicts left in pre-trial detention centers for internal (housekeeping) duties', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 1, pp. 30–34, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.030-034.

Abstract. This article analyzes some organizational and legal issues related to the legal regulation of execution and serving of imprisonment by convicts left in pre-trial detention centers for internal (housekeeping) duties. In the hierarchical structure of the regulation of this penal law institution there are legal acts of three levels: the Convention, the level of national laws and normative legal acts. Thus there is a certain conflict between material norms of articles 56 and 58 of the Criminal code of the Russian Federation which are primary, and norms of Penal legislation (part 9 of article 16, part 1 of article 74 and part 1 of article 77 of the Criminal code of the Russian Federation) regarding places for serving of imprisonment. Convicts, left in pre-trial detention centers for internal duties, serve their sentences in specific conditions. They are subject to the full range of normative legal acts regulating certain issues related to the execution of criminal punishment

in the form of imprisonment. At the same time, these acts do not actually say anything about the peculiarities of the execution of deprivation of liberty in remand centers in respect of convicted persons for housekeeping duties. On the basis of the analysis, the author proposes a number of changes in the current penal enforcement legislation in the field of execution and serving of imprisonment by convicts left in pre-trial detention centers for internal duties.

Keywords: convicts, detention centers, internal (housekeeping) duties.

References

Gorodinec, F. M. 2017, 'The main trends in the development of punishment in the form of deprivation of liberty', *Penal law*, vol. 12(1–4), iss. 2, pp. 186–191.

Skiba, A. P. 2003, *Execution of punishment in medical-preventive institutions: PHD thesis (Law)*, Rostov-on-Don.

Gorobcov, V. A. 1995, *Problems of implementation of postpenitentiary impact measures: theory and practice: PHD thesis (Law)*, Yekaterinburg.

Lyudmila Evgenievna Prihozhaya, adjunct of the faculty of scientific and pedagogical personnel training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ludka26rus@mail.ru.

PROBLEMS OF SEPARATE DETENTION OF CERTAIN CATEGORIES OF PERSONS SERVING SENTENCES IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Recommended citation

Prihozhaya, L. E. 2019, 'Problems of separate detention of certain categories of persons serving sentences in places of deprivation of liberty', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 1, pp. 35–38, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.035-038.

Abstract. The article is devoted to the problems of convicts' detention serving criminal sentences for crimes committed by negligence, and persons who committed a crime intentionally. As a result of the research it is established that the persons, condemned for crimes committed by negligence, must be kept separately from those who committed a crime intentionally. No matter how serious the crime is, as the difference between such types of crimes huge, first of all in their psychological character. The issues of separate detention of persons in places of deprivation of liberty on the basis of the classification of convicts depending on the presence or absence of a criminal record are considered. A person, who has previously served a sentence in prison and has already criminal experience, does not cease to have a criminal impact on other convicts. That is why, persons, sentenced to imprisonment for the first time, must be kept separately from those who have previously served a sentence in reality. It does not matter whether their criminal record is removed or repaid.

Keywords: separate detention of convicts, criminal recidivism, crimes committed by negligence, criminal record.

References

'Brief description of Penal system', *The Federal penitentiary service of Russia: official website*, viewed 28 October 2018, <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS>.

'The main statistical indicators of the criminal record in Russia for 2008–2017', *Judicial department at the Supreme Court of the Russian Federation: official website*, viewed 27 October 2018, <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>.

Struchkov, N. A. (ed.) 1983, *Soviet correctional labour law*, Moscow.

Yuzhanin, V. E. & Gorban', D. V. 2018, *Regime and measures of prevention of offences among convicted persons in the system of execution of punishment in the form of imprisonment*, Moscow.

THE LEGAL STATUS OF CONVICTED PERSONS

Renat Zinurovich Useev, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of regime and security in Penal system, Samara law Institute of the FPS of Russia, Samara, Russian Federation, e-mail: useev@rambler.ru.

SOME PROBLEMS OF PENALTY MEASURE EXECUTION IN THE FORM OF A PROHIBITION ON CONVICTS LEAVING DORMITORIES IN THEIR FREE TIME FOR UP TO 30 DAYS IN THE COLONIES-SETTLEMENTS

Recommended citation

Useev, R. Z. 2019, 'Some problems of penalty measure execution in the form of a prohibition on convicts leaving dormitories in their free time for up to 30 days in the colonies-settlements', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 1, pp. 39–42, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.039-042.

Abstract. The system of coercive/ enforcement measures applied to convicts in conditions of deprivation of liberty in correctional institutions provides for a range of penalties. Among them, there is a penalty in the form of a prohibition on leaving prison dormitories in their free time for up to 30 days in the colonies-settlements. As practice shows, this type of penalty is used infrequently. The official statistics of the FPS of Russia do not take into account the law enforcement practice of this type of punishment. However, the implementation of this type of penalty in the colonies-settlements shows that there are certain legal and organizational problems. The absence of a specific, including sublegislative, legal basis for the execution of this type of penalty leads to organizational incidents in law enforcement practice and, as a consequence, the issuance of appropriate acts of prosecutorial response. Thus, in some colonies-settlements there was a practice when the execution of this penalty was identical to the detention of convicts in locked premises of correctional colonies of general and strict regimes. Based on the analysis of the legal framework and practice in the execution of penalties a number of legal and organizational solutions in the current situation are proposed.

Keywords: disciplinary measures, colonies-settlements, convict, right for free movement, dormitory, violation of the regime, **malicious** violation of the regime.

References

Skiba, A. P. 2015, 'Application of security measures in the context of convicts correction and prevention of new crimes', *North Caucasian Legal Bulletin*, no. 1, pp. 100–105.

ASSISTANCE TO CONVICTS RELEASED FROM SERVING THEIR SENTENCES AND CONTROL OVER THEM

Renata Andreevna Dadasheva, lecturer of administrative and financial law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0002-8154-563X, e-mail: shiv-r@mail.ru.

THEORETICAL ASPECTS OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF PERSONS FOR WHOM COMPULSORY MEDICAL MEASURES WERE APPLIED

Recommended citation

Dadasheva, R. A. 2019, 'Theoretical aspects of administrative supervision of persons for whom compulsory medical measures were applied', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 1, pp. 43–47, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.043-047.

Abstract. The article is devoted to the theoretical problems of the implementation of administrative supervision of law enforcement and other bodies of persons for whom compulsory medical measures were applied along with or instead of criminal punishment execution. It is noted that the establishment of administrative supervision is possible only for a strictly limited range of subjects with mental abnormalities, whom compulsory medical measures were prescribed. In particular, the Federal law № 64 "About administrative supervision of persons released from prison" (adopted on 06.04.2011) provides for the possibility of establishing administrative supervision only for persons with mental abnormalities such as sexual preference disorder in the form of pedophilia, not excluding sanity. Analysis of the norms of this Federal law shows that indirectly the number of supervised persons may include persons suffering from not only pedophilia, but also other mental diseases within the sanity. At the same time, it is completely impossible to establish administrative supervision over persons with mental disorders (excluding sanity) to whom compulsory medical measures were imposed instead of the execution of criminal punishment. This is due to the fact that from the point of view of the current legislation, a person recognized by the court as insane is not the subject of the crime. However, it cannot be denied that it is linked in some way to crime and is danger to society. Thus, it is highly inadvisable to leave without proper supervision by law enforcement agencies individuals who have been declared insane by a court sentence that has entered into force and who have undergone compulsory treatment in a psychiatric hospital. Administrative supervision, as a possible way of state's influence on persons with mental disorders, both excluding and not excluding sanity within the framework of administrative legal relations, will help to reduce their potential danger to society. It indicates the usefulness of its consolidation in administrative law. Moreover, in this article the functional role of the Internal Affairs bodies and health care institutions in the implementation of administrative supervision of persons against whom compulsory medical measures were applied is determined; the problems of interaction of these bodies and institutions at the present stage are also revealed. As a conclusion, it is proposed to correct the current legislation in terms of the establishment of administrative supervision of persons against whom compulsory medical measures were applied.

Keywords: administrative supervision, compulsory medical measures, crime prevention, insanity, sanity.

References

Volkova, T. N. & Mihaylova, A. V. 2008, 'On the issue of criminal behavior of persons with mental disorders, excluding sanity', *Applied legal psychology*, no. 2, pp. 56–63.

Ol'ga Aleksandrovna Rykunova, head of organization of punishments execution department, Saint-Petersburg institute of advanced training of employees of the FPS of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation, e-mail: soninaoa@mail.ru.

ABOUT SOME ASPECTS OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION ESTABLISHMENT TOWARD THE CONVICT, RECOGNIZED AS THE MALICIOUS VIOLATOR OF THE ESTABLISHED ORDER OF PUNISHMENT SERVING

Recommended citation

Rykunova, O. A. 2019, 'About some aspects of administrative supervision establishment toward the convict, recognized as the malicious violator of the established order of punishment serving', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 1. pp. 48–52, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.048-052.

Abstract. The article analyzes the issues arising in the establishment of administrative toward convicts, recognized as the malicious violators of the established order of punishment serving. The subject of the study is a set of rules of Penal law governing social relations associated with the establishment of administrative supervision over such a kind of convicts. A comparative legal analysis of normative legal acts detailing the administrative supervision of convicts in Russia and the Republic of Belarus is carried out. The question of a unified approach to the understanding of malicious violation of the established order of punishment serving is also considered. It is concluded that the change in the law of the phrase "is set" to "can be set" in relation to convicts, recognized as malicious violators, will allow the rational use of the resources of the law enforcement system in the performance of supervisory functions for persons released from prison. Judicial examination of the claim on the establishment of administrative supervision will contribute to a more complete consideration of all circumstances and make reasonable and fair decisions in relation to a particular convict.

Keywords: convict, malicious violator of the established order of punishment serving, administrative supervision.

References

Abaturov, A. I. 2017, *Administrative supervision in the system of post-penitentiary support*, Moscow.

Antonov, T. G. 2016, *Administrative supervision of persons released from places of detention*, Yekaterinburg.

Ledovskih, A. V. 2016, 'The concept and principles of disciplinary responsibility of convicts serving a sentence in correctional institutions', in A. G. Antonov (ed.) *Penal system today*:

interaction of science and practice: materials of scientific and practical conference (28.10.2015–29.10.2015), p. 31–32, Novokuznetsk.

INTERNATIONAL STANDARDS AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE FIELD OF EXECUTION OF CRIMINAL SANCTIONS

Aleksej Vladimirovich Rodionov, DSc (Economics), professor of economy and management department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: a.v.rodionov@list.ru.

THE PRACTICE OF PRISONERS EMPLOYING IN CERTAIN PENITENTIARY INSTITUTIONS OF THE UNITED STATES OF AMERICA (ON THE EXAMPLE OF PRISON FARMS AND PRISON CAMPS)

Recommended citation

Rodionov, A. V. 2019, 'The practice of prisoners employing in certain penitentiary institutions of the United States of America (on the example of prison farms and prison camps)', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 1, pp. 53–56, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.053-056.

Abstract. The article presents study results of the characteristics of convicts' labor organization in such penitentiary institutions of the United States of America as prison farms and prison camps. The historical background of the appearance of these forms of work organization for convicts is studied. Some provisions of the normative acts regulating the processes of functioning of the studied types of institutions, as well as judicial practice are analyzed.

Keywords: prison farm, prison camp, convicts, community service, the USA.

References

The CCA Story: Our Company History n.d., viewed 20 February 2019, <http://www.cca.com/our-history>.

Historic Milestones n.d., viewed 20 February 2019, <http://www.geogroup.com/history>.

Seneca, Vaught 2006, *Narrow Cells and lost keys: the impact of jails and prisons on black protest, 1940–1972: A Dissertation Submitted to the Graduate College of Bowling Green State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of PhD*.

Alabama department of corrections. Farquhar Cattle Ranch n.d., viewed 20 February 2019, <http://web.archive.org/web/20100828124303/http://www.doc.state.al.us/facility.asp?id=8>.

Friedman, Lawrence Meir 1993, *Crime and Punishment in American History*, BasicBooks, New York.

Grant, Donald L. & Jonathan Grant 2001, *The Way It Was in the South: The Black Experience in Georgia*, University of Georgia Press, Athens, Georgia.

The New Abolitionists: (Neo)Slave Narratives and Contemporary Prison Writings 2005, *SUNY Series, Philosophy and Race*, State University of New York Press, Albany.

U.S. Supreme Court. Case Hutto v. Finney, 437 U.S. 678 (1978). No. 76-1660, viewed 20 February 2019, <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/437/678/case.html>.

How many Working Prison Farms exist in the U.S.? n.d., viewed 20 February 2019, <http://www.usprisonculture.com/blog/2010/08/01/how-many-working-prison-farms-exist-in-the-u-s/>.

Kyleen Breslin n.d., *Farms on Prisons Will Reduce National Prison Budget*, viewed 20 February 2019, <https://mic.com/articles/8869/farms-on-prisons-will-reduce-national-prison-budget#.LmbKgNydq>.

Tat'yana Petrovna Afonchenko, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of law and economic theories department, Belarusian Trade-Economic University of consumer cooperation, Gomel, Republic of Belarus, e-mail: atp76@mail.ru.

RESOCIALIZATION POTENTIAL OF POST-PENITENTIARY CONTROL IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Recommended citation

Afonchenko, T. P. 2019, 'Resocialization potential of post-penitentiary control in the legislation of the Republic of Belarus', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 1, pp. 57–62, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.057-062.

Abstract. The problem of reforming the process of social rehabilitation of convicts released from punishment is relevant in the world and national practice of the Republic of Belarus. Attention is drawn to the potential possibility of strengthening the resocialization component of such post-penitentiary control measures as preventive monitoring and preventive supervision. These measures are applied on the basis of the criminal record regime in accordance with the current Criminal code of the Republic of Belarus in respect of persons who need additional controlling influence from the state and public institutions. Traditionally, in the scientific and theoretical understanding and practical aspect, the re-socialization of convicts is a process carried out after their release from serving a sentence. It is a part of the state's penal policy aimed at assisting persons who have undergone a state of isolation or emotional alienation from society and need psychological, material, organizational and other support after serving a sentence. The need to overcome negative social and psychological consequences of staying within the framework of Penal system impact on the basis of innovative approaches logically brings the modern criminal law doctrine to a new conceptual level. This is due to the change in the use of punishment with the problem of correction, solving problems of less painful and conscious entry of convicts into socially useful activities (primarily after serving sentences associated with prolonged isolation from society). The post-penitentiary control measures applied on the basis of the conviction regime have considerable potential. One of the reasonable directions of such control is the legal regulation on the principles of systematic post-penitentiary behavior of the studied category of persons, due to the lack of effectiveness of the criminal law measures applied to them, the qualitative change in the community of convicts, the lack of complexity in creating favorable conditions for their adaptation in society. This actualizes the construction on the basis of expansion of preventive criminal law measures of influence on convicts by closed system mechanism of re-socialization of persons subjected to criminal liability.

Keywords: convict, resocialization, social adaptation, post-penitentiary control, preventive supervision, preventive monitoring, isolation from society, release from punishment.

Eskali Amangel'dinovich Salamatov, PhD (Law), Associate Professor, member of the Expert Council under the Commissioner for human rights in the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic Of Kazakhstan, e-mail: yeskali.salamatov@gmail.com.

ABOUT THE CURRENT NAMES OF THE PENITENTIARY INSTITUTIONS OF KAZAKHSTAN

Recommended citation

Salamatov, E. A. 2019, 'About the current names of the penitentiary institutions of Kazakhstan', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 1, pp. 63–67, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.063-067.

Abstract. This article is devoted to criminal and penal issues related to the activities of various penitentiary institutions of the Republic of Kazakhstan. The object of the research is public relations in the sphere of functioning of penitentiary institutions of Kazakhstan. The purpose of the work is to analyze the criminal and penal legislation, as well as law enforcement practice of the Republic of Kazakhstan in comparison with the legislation of other countries (primarily with the legislation of the United States) in the penitentiary sphere. The methodological basis of the research consists of the following methods: dialectical method of cognition of social phenomena, as well as various general scientific and private scientific methods; method of historical analysis; comparative legal method; concrete sociological method; system-structural and formal-logical methods. On the basis of the analysis it is established that in the current legislation of the Republic of Kazakhstan there are contradictions in the names of penitentiary institutions. If the Criminal code of Kazakhstan has preserved the old names: colonies of general, strict, and special regimes, educational colonies and prisons, in the Penal code of Kazakhstan absolutely new names (companies at various levels of security) was assigned. This dissonance was eliminated by the Law «About amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan on the improvement of Penal legislation» (adopted on 18.04.2017). The names of Kazakhstan penitentiary institutions were borrowed from the United States prison system, which a separate block of the article is devoted to. The author comes to the conclusion that the introduction of any novelties in Penal legislation should be preceded by their deep theoretical study from the standpoint of practical expediency, international experience and compliance with the existing prison infrastructure. Otherwise, these innovations will remain useless not fully elaborated ideas.

Keywords: correctional institutions, the Republic of Kazakhstan, convict, penal legislation, prison system of the United States.

Anna Nikolaevna Shanina, master student, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: shanina_1994@bk.ru.

INTERNATIONAL SOURCES OF LEGAL REGULATION OF THE RIGHTS DEFENDING OF PERSONS, SENTENCED TO DEPRIVATION OF LIBERTY, AND THEIR LEGAL STATUS

Recommended citation

Shanina, A. N. 2019, 'International sources of legal regulation of the rights observance of persons, sentenced to deprivation of liberty, and their legal status', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 1, pp. 68–72, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.068-072.

Abstract. The types of international sources of legal regulation of the rights observance of persons, sentenced to deprivation of liberty, and their legal status are discussed in the article, the features of the legal status of convicts, regulated by these legal acts are revealed. The question of compliance of the domestic legislation with the generally recognized principles and norms of international law in the sphere of determining the legal status of convicts is analyzed. The study concluded that it is necessary to create a universal Convention or a set of rules regarding treatment of persons sentenced to deprivation of liberty at the stage of their punishment execution. The main issues to be disclosed in such a document should be: personal security, exclusion of discrimination and medical experiments, prohibition of torture, other violent actions, etc. Within the framework of this act, norms and recommendations, containing proposals for the treatment to convicts and reflecting positive practices from the history and present of various states, can be formulated.

Keywords: international law, generally recognized principles and norms of international law, penal system, deprivation of liberty, legal status of convicts.

References

Zhilyaev, R. M. 2018, 'On the issue of ensuring the rights and legitimate interests of convicts sentenced to deprivation of liberty', in *Theory and practice of social development in the field of modern scientific knowledge: collection of materials of the II International scientific conference*, pp. 182–186, Moscow.

Pomogalova, Yu. V. 2017, 'Protection of the rights of convicts', in M. M. Popovich (ed.) *Protection of the rights of convicts: experience, problems, prospects: collection of materials of the Interuniversity scientific and practical seminar*, pp. 93–101, Moscow.

Remizov, A. A. 2017, 'Problems of ensuring the rights of convicts to freedom of conscience and religion in correctional institutions', in *Olympiad for students of Federal state educational organizations of the Ministry of justice of the Russian Federation and the Federal penitentiary service: collection of scientific works of students and cadets of Samara law Institute of the FPS of Russia for 2015–2017.*, pp. 172–179, Samara.

Fanin, D. P. 2016, 'Observance of the rights of convicts in the execution of criminal penalties', in *Economic security: legal, economic, environmental aspects: collection of materials of the International scientific and practical conference*, pp. 361–363, Moscow.

Skiba, A. P. (ed.) 2017, *International penitentiary standards*, Rostov-on-Don.

CROSS-SECTORAL ASPECTS OF THE EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES

Vera Aleksandrovna Kazakova, PhD (law), Professor, head of the department of criminal law disciplines, Moscow state linguistic University, Moscow, Russian Federation, e-mail: vera1313@yandex.ru.

CRIMINAL LEGAL COUNTERACTION TO HARM TO LIFE AND HEALTH DUE TO PROFESSIONAL NEGLIGENCE

Recommended citation

Kazakova, V. A. 2019, 'Criminal legal counteraction to harm to life and health due to professional negligence', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 1, pp. 73–78, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.073–078.

Abstract. The article is devoted to the issues of criminal-legal qualification of crimes in the sphere of harm to life or health, in particular the distinction from crimes against public health, due to their irresponsible attitude to work and professional duties. The connection of the subjective elements of the crime, the personality of the guilty with the punishment is also analyzed. Besides, such subjective features as the form of guilt, motive and purpose of the crime and the characteristics of the subject are studied. Improper implementation of professional duties is often committed in the field of health care and is the result of medical error. The difficulty is the distinction between careless and innocent infliction of harm, including reasonable risk as a circumstance (excluding the criminality of the act) which is the subject of forensic medical examination. The following situations of reasonable risk, which can be associated with: a) the lack of socially useful purpose; b) the presence of another variant of action (absence of action) without risk; b) failure to take sufficient measures to prevent danger; c) the coupling of risk with danger to people's lives, to environmental or public disaster, are also discussed in the article. The study of judicial practice showed the presence of a significant number of errors in the qualification of these crimes, ambiguous assessment of the severity of such acts, different approaches to their punishment, especially in light of the fact, that the legislator provides unreasonably large opportunities of judicial discretion in this case. It is established, that it is advisable for the legislator to listen to reasonable practical trends in the use of non-custodial penalties. And for law enforcement officers it is recommended not to abuse the possibility of criminal prosecution, even when the subjective components related to the circumstances, excluding the crime of the act, are ignored.

Keywords: crimes against life and health, professional negligence, punishment for crimes through negligence, competition of norms, medical mistake.

References

Il'yuhov, A. A. 2001, *Reasonable risk as a circumstance excluding the criminality of the act: PHD thesis (Law)*, Yekaterinburg.

Monaghan, N. 2014, *Criminal Law Directions*, Oxford.

Inshakov, S. M. & Kazakova V. A. 2016, 'Methodological approaches to the punishment of crimes from the perspective of modern criminal policy', *Criminal Law*, no. 1, pp. 84–92.

Tannenbaum, F. 1938, *Crime and the community*, Columbia University Press, New York, <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015003659664;view=1up;seq=1>.

Lopashenko, N. A. 2016, *Criminal law. General part. Crime. Academic course*, in 10 vols, vol. 10, *Circumstances excluding the criminality of the act*, Moscow.

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL LIFE

Sergej Fedorovich Milyukov, PhD (law), Professor, professor of criminal law department, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation, e-mail: dikoepoleSF@gmail.com.

REVIEW OF THE OFFICIAL OPPONENT ABOUT THE THESIS FOR THE CANDIDATE DEGREE OF LEGAL SCIENCES IN THE SPECIALTY 12.00.08: BATBOLD G. ENSURING THE RIGHTS OF CONVICTS SERVING PRISON SENTENCES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND MONGOLIA. OMSK: OMSK ACADEMY OF THE RUSSIAN INTERIOR MINISTRY, 2018. 228 P. (WITH ANNEXES)

Recommended citation

Milyukov, S. F. 2019, 'Review of the official opponent about the thesis for the candidate degree of legal sciences in the specialty 12.00.08: Batbold G. Ensuring the rights of convicts serving a sentence of imprisonment in the Russian Federation and Mongolia. Omsk: Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, 2018. 228 p. (with annexes)', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 1, pp. 79–84, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.079-084.

Abstract. The article provides a review of the official opponent about the thesis for the degree of candidate of legal Sciences "Ensuring the rights of convicts serving a sentence of imprisonment in the Russian Federation and Mongolia". It is concluded that most of the statements, conclusions and recommendations contained in the thesis are reasonable and reliable. They are formulated on an extensive and diverse regulatory framework with the involvement of a sufficient number of scientific sources in Russian and Mongolian languages using reliable research methods. The empirical base of the study, which includes, in addition to official sources, the results of the survey of 300 convicts serving sentences in Mongolian correctional institutions and 100 employees of these institutions, is quite representative. Most of the statements, made directly to the defense, are of considerable scientific novelty and deserve support. The main achievements of the thesis were tested at representative international and Russian scientific and practical conferences, which took place both in Omsk law schools and at the University of Law Enforcement Service of Mongolia. The identified individual shortcomings of the research do not prevent the conclusion that its author deserves the award of the required academic degree of candidate of legal sciences.

Keywords: deprivation of liberty, rights of convicts, Russian Federation, Mongolia, comparative analysis.

PENITENTIARY LIBRARY

Aleksey Petrovich Detkov, DSc (Law), Professor, head of criminal law and criminology department, Altai State University, Barnaul, Russian Federation, e-mail: kafupik@law.asu.ru.

REVIEW OF THE MONOGRAPH LEGAL COLLISIONS IN RUSSIA AND IN A NUMBER OF OTHER COUNTRIES (SHORT SCIENTIFIC COMMENT)

Recommended citation

Detkov, A. P. 2019, 'Review of the monograph Legal collisions in Russia and in a number of other countries (short scientific comment)', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 1, pp. 85–86, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).1.085-086.

Abstract. The author notes the relevance of the monograph due to the numerous shortcomings of the legislation requiring its resolution. Special attention is paid to the fact that the author's team analyzes conflicts of criminal, penal, criminal procedure and other legislation not only of the Russian Federation, but also of a number of other countries: the Republic of Azerbaijan, the Republic of Belarus, Kazakhstan, Tajikistan and Uzbekistan. It is concluded that the monograph has the necessary theoretical and practical value and deserves to be published.

Keywords: Legal collisions, criminal procedure, criminal law, penal law.

Научное издание

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*

Корректор *А. Ю. Пертли*

Перевод *О. Р. Белозерова*

Компьютерная верстка *Т. А. Ключникова*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 28.03.2019. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 6,38. Усл. печ. л. 5,93. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1